

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XIII

СТРАНЫ И НАРОДЫ БАСЕЙНА
ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

Б. П. Полевой

**ПОДРОБНЫЙ ОТЧЕТ Г. И. НЕВЕЛЬСКОГО
О ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1849 г.
К О-ВУ САХАЛИН И УСТЬЮ АМУРА**

В Ленинграде в Архиве Географического общества СССР среди бумаг, поступивших от известного историка русского флота Ф. Ф. Веселаго, давно уже хранилась анонимная рукопись под названием «Описание Северо-восточных и северо-западных берега острова Сахалина» (разряд 99, опись 1, дело № 93). Еще в 1953 г. автору настоящей статьи удалось установить, что эта рукопись является копией¹ ранее неизвестного исследователям подробного отчета Г. И. Невельского о его исторической экспедиции 1849 г. к берегам северного Сахалина, к устью Амура, в Татарский пролив и, наконец, вдоль юго-западного побережья Охотского моря до Аяна.

Начатые сразу же поиски подлинника этой интересной рукописи, к сожалению, успехом не увенчались. Удалось обнаружить лишь его следы. В том же 1953 г. в ЦГАВМФ была выявлена запись о том, что 18 мая 1852 г. в морской архив была сдана «Составленная капитаном Невельским и его рукою писанная тетрадь описаний острова Сахалина, устья и лимана р. Амура и юго-восточных берегов» (ф. 410, оп. 2, д. 297, л. 31). Она была, видимо, передана в фонд гидрографического департамента, так как в описи этого фонда, составленной в июле 1855 г., среди бумаг, полученных от Г. И. Невельского, упоминается «Историческое описание северо-восточного, северного и северо-западного берегов о-ва Сахалина, реки Амура и восточного берега Охотского моря, народонаселения, их промышленности, одежды, нравов и обычаев». Далее в описи пояснялось: «В конце сего описания приложен список деревням в лимане Амура с означением числа дворов и несколько слов, переведенных с гилиякского языка на русский» (ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 2, д. 179, л. 27). В копии, найденной в АГО, этого добавления — «списка деревням» и краткого словарика — нет. Но очевидно, что даже неполная копия этого документа представляет немалую ценность для историков русского Дальнего Востока и достойна самого тщательного изучения.

Прежде всего возникает вопрос: когда же был написан Г. И. Невельским этот отчет? В списке документов, составленных в самом конце плавания 1849 г., он не фигурировал (см. ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 336). Но в перечне материалов, представленных Николаю I 30 января 1850 г., уже значится «Тетрадь: описание северо-восточных, северных и северо-западных берегов острова, составлена капитаном Невельским и его ру-

¹ Судя по характеру сделанных в ней орфографических ошибок (перечень их приведен нами ниже), эта копия была сделана лицом, недостаточно хорошо знавшим русский язык, возможно каким-то прибалтийским немцем.

кою писана» (ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 297, л. 17), из чего можно заключить, что этот документ был написан исследователем во время его переезда с Охотского моря в Петербург. Сам Г. И. Невельской отмечал: «В Якутске и затем в Иркутске, куда мы прибыли 22 ноября, мы приводили в порядок наши журналы и карты» [9, 109].

Видимо, под одним из этих журналов и подразумевался найденный отчет.

В книге Г. И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России, 1849—1855» описанию его плавания в 1849 г. уделено всего 8 страниц. Обнаруженное же «Описание» содержит 49 листов большого формата, исписанных с двух сторон, т. е. 98 страниц. Естественно, что оно гораздо полнее воссоздает историю знаменитой экспедиции Г. И. Невельского.

Еще в октябре 1954 г. в Географическом обществе СССР в Отделении истории географических знаний автор настоящей статьи сделал первый подробный доклад о найденном документе. Вскоре об этой же находке были опубликованы три газетные статьи [21; 11; 15]. А в 1955 г. был напечатан подробный обзор его этнографических данных [22]. Наконец теперь благодаря содействию Восточной комиссии Географического общества появилась возможность воссоздать в печати полный текст обнаруженного отчета.

Чем же ценен этот документ?

Прежде всего отчет Г. И. Невельского поражает обилием самой разнообразной информации, имеющей большое научное значение. В нем имеется множество полезных сведений для историков географии, гидрографии, океанографии и особенно этнографии. Он также знакомит нас впервые со многими ранее неизвестными интереснейшими подробностями из истории наиболее прославленной экспедиции Г. И. Невельского. Всем своим содержанием найденный отчет показывает, что уже летом 1849 г. Г. И. Невельской и его спутники при исследовании берегов Сахалина, Амурского лимана, Татарского пролива и других близлежащих районов смогли добиться весьма значительных результатов, сделать множество географических открытий, существенно исправить ранее составленные карты, опровергнуть отдельные утверждения своих предшественников, в том числе И. Ф. Крузенштерна.

Последнее, конечно, не ново: ведь всем известно, что именно Невельской доказал полную несостоятельность легенды о «полуострове Сахалине», которая пришла в Россию из-за границы и была, к сожалению, поддержана авторитетом И. Ф. Крузенштерна [см. 13].

Любопытно, что об этом, наиболее нашумевшем своем открытии, как и об установлении судоходности «Южного», т. е. Татарского, пролива, Невельской пишет удивительно скромно. Согласно отчету, свою задачу он видел в том, чтобы «положительно разрешить, не заперт ли мелями вход в лиман из Татарского залива, т. е. распространить исследование на юг за пределы исследований капитана Бротона»² (л. 10 об.). Далее бегло упоминается, что с 19 по 26 июля 1849 г. Невельской и его спутники по шлюпочному походу, «пользуясь попутным ветром, спустились вдоль берега лимана через Южный пролив в широту 51°45', т. е. около 5 миль за предел исследования капитана Бротона, и

² Упомянутый здесь английский капитан Вильям Броутон в 1797 г. входил в Татарский пролив с юга, надеясь пройти через него на север. Но посланный на разведку на север его помощник Чэпман объявил, что пролива нет, так как Сахалин будто бы соединен перешейком с континентом. Вот почему Г. И. Невельской и считал, что существование Южного пролива будет доказано лишь тогда, когда удастся с севера пройти до района, в котором действовал Броутон.

возвратились к мысу Погиби, определили вход из лимана к югу» (л. 11 об.), и отмечается, что «проток, от мыса Вазсе на мыс Пронге и далее по лиману к S-ду направляющийся, вывел нас из реки по глубинам от 10-ти до 4 сажень, чрез Южный пролив в залив Татарский» (л. 16 об.). И это все.

Такая осторожность в формулировках, по-видимому, объясняется знакомством Невельского с мнениями тех авторов, которые еще до его путешествия отказывались поверить в отсутствие южного пролива между Сахалином и материком. Версию о «полуострове Сахалине», как мы теперь знаем, не принимали ни историки Сибири Г. И. Спасский и В. Н. Берх, ни писатели Н. А. Полевой, Б. М. Федоров и В. Г. Белинский, ни даже отдельные русские моряки (Н. А. Хвостов, Г. И. Давыдов и др.) [13, 77—80; 20].

Превосходство исследований Г. И. Невельского обнаруживается и при сравнении его карт с картами, составленными И. Ф. Крузенштерном и его спутниками. Так, восточный берег Сахалина на картах И. Ф. Крузенштерна был отнесен к западу чуть ли не на 20—30 миль³. Поэтому транспорт «Байкал» в ночь с 11 на 12 июня 1849 г., т. е. в самом начале исследования восточного берега Сахалина, чуть было не сел на мель.

Неизмеримо точнее были и карты Амурского лимана, составленные в 1849 г. К сожалению, в 1805 г. И. Ф. Крузенштерн не обратил внимания на то, что в Амурском лимане имелось много различных малых островов, которые, кстати сказать, были хорошо известны еще землепроходцам середины XVII в. Невельской и его спутники смогли первыми точно нанести эти острова на свои карты. Еще большую ценность представляли промеры, проведенные в Амурском лимане в 1849 г. Г. И. Невельским и его спутниками, особенно П. В. Казакевичем, Э. В. Гроте, А. Ф. Гейсмаром и др. До сих пор «фарватер Невельского» считается одним из наиболее удобных путей из устья Амура в Охотское море.

Особенно много в публикуемом отчете новых этнографических сведений. И по этим вопросам наблюдения Г. И. Невельского иногда прямо противоположны тому, что писал И. Ф. Крузенштерн. Так, например, если последний утверждал, что на северном Сахалине он и его спутники «видели даже и нивы, обрабатывание которых доказывало, что здесь живет народ, успевший в образе жизни более нежели айны» [7, 195]⁴, то Г. И. Невельской совершенно справедливо указывал, что этот район заселен жителями, которые «ни о хлебопашестве, ни о скотоводстве, ни об огородничестве не имеют никакого понятия...» (л. 49).

Еще большую ошибку И. Ф. Крузенштерн допустил, когда он объявил, что северный Сахалин заселяют «татары, вытеснившие, или может быть, и истребившие айнов» [7, 134]. В 1849 г. Г. И. Невельской смог убедительно опровергнуть и этот домысел. Он показал, что на северном Сахалине не было никаких «татар», а в прошлом и айнов. Из наблюдений Невельского ясно, что никаких этнических изменений ни в низовьях Амура, ни на севере Сахалина за предшествующие два столетия не произошло, что здесь, как и в XVII в., продолжали жить

³ В книге А. К. Сиденсера «Адмирал Геннадий Иванович Невельской» [24] приложена «Меркаторская карта Юго-Восточной части Охотского моря, составленная с описи, произведенной с транспорта „Байкал“ под командою капитана-лейтенанта Невельского 1849 года», на которой для сопоставления приведено изображение восточного берега Сахалина по описям И. Ф. Крузенштерна и Г. И. Невельского.

⁴ Отметим здесь, что наш ранний обзор этнографических материалов отчета [22] отнюдь не был исчерпывающим. В публикуемом теперь его полном тексте исследователи встретят некоторые дополнительные данные по этнографии Сахалина и Амура.

нивхи (гиляки). В найденном отчете он особо подчеркивал: «...я достоверно убедился, что народонаселение этой (северной. — Б. П.) части острова составляют гиляки» (л. 6 об.).

В первой половине XIX в. в Европе, в том числе и в России, часто преувеличивалась сила влияния маньчжуров на Амуре. Возникла даже версия о том, что устье Амура будто бы охраняется... «китайской силой»⁵.

Одной из больших заслуг Г. И. Невельского, было то, что он смог не только полностью опровергнуть эту легенду, но и узнать, что в середине XIX в. маньчжурских войск не было почти на всем протяжении Амура. Как видно из отчета, для того чтобы добраться до первого постоянно действовавшего места торгова с маньчжурами, нивхам (гилякам) приходилось совершать двадцатидвухдневные плавания вверх по Амуру (л. 27).

Широко известно, что правители Китая в то время упорно утверждали, что гиляки-нивхи будто бы приносили им дань. Сами же гиляки-нивхи, как засвидетельствовано в отчете, считали, что они приезжали к маньчурам на самую обычную ярмарку («ярмонку») для обмена товарами. Вот этот торг маньчжурские власти и старались представить как уплату дани и выдачу подарков! Совершенно аналогичный товарообмен гиляки-нивхи вели и с представителями многих других соседних народов, в том числе с бродячими купцами якутами, которые чаще всего их снабжали русскими товарами. Из найденного отчета стало впервые известно, что в деревне Чнирх-рах в устье Амура Невельской и его спутники встретили одного нивха (гиляка), который не только знал якутов, но и «еще более поразил, когда начал по-русски называть некоторые вещи: чайник, ружье, курок, и знаками показывал, что знает об винтовке» (л. 36). Так стало очевидным, что в первой половине XIX в. в низовья Амура продолжали попадать некоторые русские изделия.

Отчет Г. И. Невельского еще раз подтверждает, что все население нижнего Амура и острова Сахалина и в середине XIX в. оставалось независимым и что все жители этих районов ненавидели маньчжуров. «Почти все они рассказы свои кончали тем, что показывали отвращение к манчурам», — отмечал Г. И. Невельской (л. 47). Иногда эта ненависть демонстрировалась весьма своеобразно: «Когда мы уже познакомились и называли их гиляками и они убедились, что мы не манжуры, то в доказательство их к нам расположения втыкали в землю палки, называя их манжурами, и потом с сердцем сколачивали одну за одной» (л. 37).

Еще в 1847 г. друг Г. И. Невельского — петрашевец А. П. Баласогло — в своих статьях, представленных генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву, писал, что возникла реальная угроза захвата иностранцами устья Амура. «Место свято не будет пусто!» — предупреждал он [17, 157]. А. П. Баласогло опасался, что отсюда иностранцы «начнут втираться» в пограничные районы России и Китая в ущерб их государственным интересам [2, 183]. Найденный отчет подтвердил, что эти опасения А. П. Баласогло не были беспочвенными. В нем отмечается растущая активность иностранных китобоев на морских подступах к устью Амура, особенно у северного входа в Амурский лиман. «Первая

⁵ В действительности же маньчжуры оказались не в состоянии сами освоить Амур. В то время там они имели лишь несколько малолюдных караулов и небольшой городок Айзунь, который был основан еще до Нерчинского договора на правом берегу реки, несколько ниже устья Зеи.

просьба этих жителей (селение Тамлево. — Б. П.), — писал Г. И. Невельской, — была „арак“, ром — у них видели также английские иголки и ножи, что прямо подтверждает сношение их с китобойными судами» (лл. 42 об. — 43). У Г. И. Невельского даже сложилось впечатление, что в южной части Татарского пролива побывало какое-то иностранное военное судно (лл. 47 об. — 48). Поэтому уже в то время он стремился наметить конкретные действия, необходимые для обеспечения безопасности устья Амура. Главное русское поселение на устье Амура, по мнению Невельского, должно было быть создано у нивхской деревни Куегда («Куенгзе») у «кошки», заграждавшей вход в устье Амура, так как «место это... соединяет в себе все условия пункта, могущего запираить вход в реку из лимана» (л. 11).

Читая отчет Г. И. Невельского, нельзя не убедиться еще раз в справедливости слов Фридриха Энгельса, который еще в конце XIX в. отмечал, что Россия по отношению к Востоку играет прогрессивную роль. Действительно, Г. И. Невельской и его спутники старались познакомить местных жителей с элементарной гигиеной, оказывали им медицинскую помощь, знакомили их со многими предметами русской культуры.

Таким образом, Г. И. Невельской и его спутники пришли к нивхам как подлинные их друзья, и не удивительно, что вскоре сами нивхи обратились к русским с просьбой, чтобы они защитили их от бесчинств иностранных китобоев и насилий некоторых маньчжуров.

Одной из характерных черт Г. И. Невельского было то, что он всегда смотрел вперед, думал о будущем. На русском Дальнем Востоке тогда еще не было пароходов, но он уже заботился о том времени, когда они будут плавать по Амурскому лиману: «Дальнейшее плавание по лиману и вход в реку Амур без ограждения банок вежами и бакенами, без знания об изменениях фарватеров (т. е. без лоцманов) для пароходов больших рангов весьма затруднительно, а для парусных судов почти невозможно, для пароходов же речных — свободно, но за всем тем сообщение чрез лиман Охотского моря с Татарским заливом, равно и вход в реку Амур, открыты для судов значительных рангов, и с учреждением постоянной навигации можно надеяться, что не будет сопряжено с большими затруднениями» (лл. 19 об. — 20).

Невельской уже видел на берегах Амурского лимана различные эллинги «для судов всех рангов», видел новые русские порты у устья Амура, о чем, кстати сказать, мечтали еще в середине XVIII в. многие видные деятели той эпохи — Алексей Чириков, Федор Соймонов и др. [см. 19, 77].

Интересующий нас отчет, как в нем самом отмечается, в значительной степени был составлен из рапортов «господ офицеров». В ЦГАВМФ в фонде П. В. Казакевича (помощника Г. И. Невельского по плаванию 1849 г.) оказались тексты некоторых из них [см. 16, 97]. Сопоставление этих отрывков с основным текстом найденного отчета позволяет яснее представить систему отбора Г. И. Невельским нужной для него информации. Выяснилось, что, как правило, он чисто механически включал в свой отчет весьма большие отрывки из рапортов его подчиненных, особенно П. В. Казакевича, Э. В. Гротте, А. М. Гейсмара и др. Порой же он опускал некоторые подробности, в ряде случаев представляющие значительный интерес для современных этнографов. Поэтому в примечаниях нами воспроизводятся наиболее любопытные отрывки из этих рапортов. Последние ценны также и тем, что они позволили имеющиеся в публикуемом отчете отдельные описания отнести к вполне определенным географическим пунктам. Удалось, в частности, установить, что

выпервые Г. И. Невельской подошел к берегам восточного Сахалина напротив Луньского залива. Вот почему уже на рассвете 12 июня 1849 г. матрос, сидевший на мачте (на салинге), сообщил, что он за прибрежной полосой видит воду, вероятно, озеро (см. записи П. В. Казакевича от 12 июля — ЦГАВМФ, ф. 1191, д. № 30, л. 20). Затем вдали участники плавания видели Набильский залив, но из-за значительного расстояния от берега не заметили устья реки Тыми, а вот залив Даги с находящимся в нем островом с селением ороков (тоже Даги) уже описали весьма подробно (см. прим. к лл. 29—31) [16, 97; 14].

Публикуемый отчет снабжен подробными комментариями, которые даются по листам найденной рукописи; начало каждого листа отмечено в скобках, начало текста на обороте листа указано сдвоенными косыми линейками —//.

Лицо, копировавшее этот отчет Г. И. Невельского, временами оказывалось не в состоянии прочесть некоторые слова подлинника. Поэтому в копии были оставлены пропуски, которые позднее были заполнены кем-то другим, возможно самим Г. И. Невельским. Эти слова в публикации выделяются нами курсивом.

Вся найденная рукопись покрыта карандашными пометками, порою абзацы, а то и страницы перечеркнуты. Как правило, вычеркнутое было в той или иной степени связано с самим плаванием Г. И. Невельского. Из этого можно заключить, что кто-то хотел использовать копию отчета Г. И. Невельского для того, чтобы извлечь из него только географическую информацию. Иногда при этом добавлялась новая рубрикация текста. Вероятно, в дальнейшем исследователям еще удастся узнать, для какой конкретной цели была использована эта копия. Поэтому в конце примечаний мы даем краткий перечень всех зачеркнутых частей рукописи и называем новые подзаголовки, которые были включены лицом, чиркавшим рукопись. Поскольку нас в первую очередь интересует сам первичный текст отчета Г. И. Невельского, в основном тексте публикации все эти перечеркивания нами не учитывались. В данной публикации восстановлен полный текст копии, написанный чернилами. Поскольку копист допустил в рукописи крайне грубые орфографические ошибки в отдельных словах, мы сочли возможным внести в текст соответствующие исправления, хотя возможно, что некоторые орфографические ошибки были еще в не дошедшем до нас подлиннике⁶.

Очевидные опiski в копии отчета, например, слово «града» вместо «гряда», «Голвачева» вместо «Головачева» и т. д., исправлялись нами без каких-либо оговорок. Отказались мы и от устаревшей формы транскрипции некоторых географических названий, например, «Охоцкое море» вместо «Охотское». Окончания прилагательных на «ья» заменены на «ые». Поскольку язык рукописи довольно тяжел, то в ряде случаев для облегчения понимания ее смысла пришлось существенно исправить пунктуацию отчета. Нам представляется, что все эти поправки значительно облегчат чтение отчета Г. И. Невельского, который по своему содержанию представляет памятник поистине уникальный для всех, кто проявляет интерес к яркому прошлому Дальнего Востока.

⁶ В публикуемом отчете были исправлены следующие слова: вулканический, галлерей, гаризонт, глаткие, дерский, житкий, жзатые, зоридить (зарядить), изследование, искусство, кабодажное, калено, капешон, кокиры (кокуры), кофтаны, лотка, лудшие, мередиан, мохать, мушины, мяхкс, обычей, окресности, отмелых (отмельных), оффицеры, очереть, по-руски, площадки, правельные, пребегать, продч. (прочие), произшествия, разматривать, рассказывали, растались, растояний, реткий, чигунный и др.

**(л. 1) Описание
Северо-восточные и северо-западные берега
острова Сахалина**

Распоряжения и действия с 1 по 24 число июня

По выходе из Петропавловска 31-го мая 1849 года, штили и с густым туманом SW ветры замедлили плавание мое до гряды островов Курильских. 7-го числа июня, при О-м с мрачностью ветре, перерезав 4-м проливом гряду островов этих и вступив в Охотское море, я взял курс к восточному берегу о-ва Сахалина в параллель 52° с. шир. по следующим причинам:

1-е. При описи этой части острова адмиралом Крузенштерном путь адмирала с 52° до окрестностей мыса Клокачева лежал от берега от 10-ти до 30-ти миль, следовательно, описание его не || могло быть произведено тщательно.

2. Отмель, найденная адм. Крузенштерном между $52^{\circ}20'$ и 53° с. шир., подавала повод думать: не бар ли это какой-либо значительной реки, перерезывающей остров; а как все это пространство лежит против ли-мана реки Амура, то при несуществовании Южного пролива, как доселе полагали, основываясь на описи и предположениях капитанов Лаперуза и Бротона, подтвержденных некоторым образом предположениями адмирала Крузенштерна: не бар ли это рукава р. Амура? — что в обоих случаях весьма важно в видах кратчайшего сообщения р. Амур с океаном.

До 12-го числа июня при густом тумане с самыми тихими южными ветрами и маловетриями продолжали плавание наше по Охотскому морю; в 6-ть (л. 2) часов утра этого числа увидели о-в Сахалин, и в 7 часов, придя на глубину 6-ти сажен в расстоянии от берега около $1\frac{1}{2}$ миль, легли вдоль его к северу.

Широта в полдень $51^{\circ}55'$, долгота по хронометрам $143^{\circ}22'13''$. До 24-го числа июня, пользуясь постоянно ясною погодою, большую частью ровными или тихими от S-да ветрами и посылая несколько раз шлюпки на берег, описал и осмотрел: северо-восточные, северные и северо-западные берега о-ва Сахалина до мыса Головачева и касательно этого могу сказать положительно следующее.

С широты сев. $51^{\circ}35'$ и долготы по хроном. 143° до мыса Головачева, следуя от берега от 1 до 5 миль, ни банок, ни рифов, ни отмелей я не встречал; за исключением северо-восточных от широты $53^{\circ}50'$ до мыса Елизаветы и северо-западных // от мыса Марии до залива Надежда, берега острова Сахалина везде приступны, подход к ним с моря и плавание около их совершенно безопасно, глубины к берегу постепенно уменьшаются, не доходя до него около 3-х и местами около 4-х миль, глубины идут с 8-ми сажен, 7-мь, 6-ть, 5-ть; в одной миле около 3-х и местами около 4-х сажен; в окрестностях гавани Байкал до мыса Головачева [на] расстоянии от берега около 4-х миль, глубины до 3-х сажен; грунт вообще чистый песок. Течение замечено вдоль берега около $1\frac{1}{2}$ миль; но эта сила его зависит, кажется, более от ветра. При приливах, судя по знакам на берегу, горизонт воды изменяется около 5 фут. Стоять на якорю под берегами при ветрах от S-да через W до N на восточной, и от S-да через O-та до N-да на западной стороне острова, полагаю, что безопасно, и при всех ветрах возможно (л. 3), ибо в случае несчастья не может быть сопряжено с гибельным для экипажа и судна крушением. Совершенно отдельные и весьма отличительные горы. На восточной стороне 3-ри и 4 сопки, гора с тремя ложбинами и

гора, 3-мя братьями мною названные, и горы в окрестностях залива Надежда на западной стороне, представляют предметы, по которым и легко опознать берег, и определить место свое пеленгами.

Восточный берег острова до широты $53^{\circ}30'$ и западный в окрестностях гавани Байкал — низменный песчаный (от 5-ти до 10-ти фут). От мыса Клокачева до окрестностей мыса Левенштерна и в заливе между мысами Марии и Елизаветы — обрывистый-песчаный-возвышенный (от 20-ти до 50-ти фут). Северные берега скалисты и большею частию к морю отвесно-утесисты (от 200 до 500 фут). Положение мысов Елизаветы // и Марии и берегов северной части острова хронометры наши показали совершенно согласно с положением их на карте адмирала Крузенштерна; берега же между широтами 52° и $52^{\circ}35'$ на восточной стороне, от 3-х до 20 миль положены западнее; а от $53^{\circ}45'$ шир. до мыса Головачева на западной стороне около 7-ми миль южнее. Между широтами 52 и 53 градусами у восточных берегов острова мы встречали 3 раза огромные пятна с весьма отличительным темным цветом воды и с переборным как бы на банках волнением; но это состояние моря, происходящее от того, что течение из некоторых озер чрез узкие проливы, вынося жидкий черный ил и встречаясь с течением вдоль берега направляющимся, нисколько не изменяет глубин, а имеет только вид отмели к N или SO, на 5-ть и более миль в море простирающейся. Я полагаю (л. 4), что, может быть, это обстоятельство заставило адмирала Крузенштерна удалиться в этом пространстве от берега, а у мыса Вирст назначить на карте своей отмель. От широты $53^{\circ}30'$ до шир. $53^{\circ}50'$ возвышенный песчаный берег, противу отдельных озер вдоль его близ моря лежащих, прерывается низменностями и издали кажется усеянным небольшими заливами; заливов этих не существует. Общее состояние как этого восточного, равно и западного берега до мыса Головачева, ровное, прямое.

Между широтами 53° и $51^{\circ}50'$ восточная часть острова на все видимое пространство около 20 миль к западу представляет частью низменную и частью покатую поверхность, покрытую или отдельными горами от 15 до 25 миль от моря лежащими, или многочисленными // почти сплошными озерами, из которых большая часть, отделяясь от моря голыми песчаными от $\frac{1}{4}$ до 1 мили шириною кошками, усеяна низменными и возвышенными лесистыми островами, а потому все это пространство с моря имеет вид шхер, тянувшихся по меридиану к северу около $70'$, а от востока к западу от 5 до 10-ти миль. В этих шхерах в широте $52^{\circ}12'30''$ и долготы по хронометрам $143^{\circ}35'$ открыта гавань, названная мною гаванью Благополучия. Гавань эта на пространстве около 1-й квад. мили имеет глубину от 14 до 20 фут, грунт вязкий, черный ил. Вход в него шириною около 200 сажен и глубиною до 12 фут идет между низменными (от 5 до 10 фут) песчаными кошками, течение при входе около $2\frac{1}{2}$ узлов. Усмотренные нами затем входы как (л. 5) в шхеры эти, равно и отдельные озера, до широты $53^{\circ}50'$, у подошв гор близ моря лежащие, оказались неудобными и отмельными. Я полагаю, что подробное исследование страны в этом пространстве до лимана р. Амур, поперек острова укажет на внутреннее каботажное сообщение лимана с восточной частию острова. Удобные для подобного сообщения довольно значительные на западной части острова впадающие в лиман реки (глуб. при баре от 3 до 5 фут) и низменное положение острова на этом пространстве делают несомненным это заключение.

Противоположные морю берега озер имеют совершенно иной характер — с лишенным всякого прозябания морским песчаным берегом; берега озер этих обращенные к морю составляющим [?] — они частью

возвышенные, покрытые // строевым и дровяным лесом (ель, береза и преимущественно лиственница), а частью луговые или низменные тундристые, судя по этому и по прекрасному местоположению многих частей страны этой, защищенной от севера и северо-запада горами, равно и по почве земли в гавани Благополучия (чернозем с песком), полагаю, что здесь есть много мест, удобных к скотоводству и хлебопашеству, а следовательно, и к оседлому заселению; состояние растительности дает повод думать, что весна начинается здесь непоздно.

С юга идущая цепь гор в широте $53^{\circ}50'$, примыкая вплоть к морю и оканчиваясь на северо-востоке и севере обрубистыми мысами Левенштерна, Елизаветы и Марии, покрывает всю северную часть острова. На этом пространстве большею частью скалистый восточный до мыса Елизаветы (л. 6) и западный до залива Надежда берега острова не представляют мест, удобных к заселению. Залив между мысами Марии и Елизаветы и залив Надежда, имея глубину от 4-х до 10 сажен и обильное количество пресной воды, составляют значительные рейды, защищенные первый от ОНО через S до NNW, а второй от SW через О-го до NW берега этих заливов, равно и западный берег острова до окрестностей мыса Головачева, составляя подошву гор, в топографическом отношении имеют одинакий характер с восточными берегами.

Закрытая от всех ветров часть залива в окрестностях мыса Головачева в широте с $53^{\circ}30'$ и долготе по хронометрам $142^{\circ}30'$ лежащая, гаванью Байкал названная, имеет на пространстве около $1\frac{1}{2}$ квад. верст, глубину от 14 до 17 фут, по причине // находящегося пред ее входом бара, где могут укрываться суда не более 10-ти фут.

По восточному берегу острова до мыса Клокачева, в заливе между мысами Марии и Елизаветы, в заливе Надежда и по всему западному берегу до мыса Головачева, мы видели селения жителей его, с которыми в гаванях Благополучия и Байкал и в заливе между мысами Марии и Елизаветы имели сношения, и хотя полагали их прежде принадлежащими к смеси японцев с китайцами, но, ознакомясь с гиляками в лимане, по одинакому их с ними образу жизни, одежд, физиономий, произношению слов и по знакам этих последних, я достоверно убедился, что народонаселение этой части острова составляют гиляки.

(л. 7) Описание устья реки Амур, ее лимана и юга восточных берегов Охотского моря

Распоряжения и действия с 24 июня по 29 августа

Окончив описание гавани Байкал, 23 числа июня в $3\frac{1}{2}$ часа пополудни при тихом ветре от S-да и ясной погоды пошел к мысу Головачева по пути, ведущему от берега около 4-х миль и глубинами от 4-х до $4\frac{1}{2}$ сажен; в 7-м часу вечера, миновав меридиан этого мыса, встретил глубину 17 ф. и сейчас же — 13 фут, а потому, удалившись от отмели к N на глубину 23 фут, положил якорь. Произведенные на другой день обследования показали, что от мыса Головачева NW лежат обсыхающие лайды, это обстоятельство и виденные с транспорта от мыса к N банки не представляли с этой стороны // удобного входа в лиман с моря понудили меня обратиться с этой целью к Татарскому берегу, почему взял курс вдоль отмели к NW и, обогнув которую с глубины 9 сажен, начал лавировать между нею и берегом к горе князя Меншикова, поворачивая с обоих галсов на глубинах от $3\frac{1}{2}$ до 4 сажен. В 6 часов вечера на глубине 4 фут положил якорь; ближайший западный берег был от нас около $2\frac{1}{2}$ миль. Таким образом, в

продолжении 24 числа определил подход к лиману с моря. Свежие SW ветры в продолжении 25, 26 и 24 чисел удерживали меня на якоре и не позволили для определения входа в лиман производить промеров, но в продолжении этого времени мы сделали промер и опись лежащего за *пещаную кошкою* от горы князя Меншикова (л. 8) к NW озера, и обследовали берега Татарии в окрестностях мыса Ромберха. 28-го числа ветер стих, и по промерам, сделанным шлюпками, я вошел в лиман с транспортом и затем в продолжении 29 и 30 чисел, производя промер, шел по лиману к SO, не доходя же 3-х миль западного берега острова Сахалина, около 5 миль южнее мыса Головачева остановился с целью подробного обследования северной части лимана и страны в окрестностях мыса Головачева. Гг. лейтенантам Казакевичу и Гейсмару поручено было делать промеры около мыса Головачева и осмотреть страну в окрестностях этого мыса. Гг. лейтенант Гревенес, мичман Гроте и подпоручик Попов производили промеры от транспорта к S-ду. Все эти промеры связывались с местом нахождения транспорта, // определенном астрономическими наблюдениями. Свежие от S-да ветры и с ними около 3 узлов течение к N замедлили работы наши и поставили промерные шлюпки в весьма опасное положение: их несколько раз заливало и выбрасывало на банки; мы едва только к 6 числу июля могли привести в известность северную часть лимана, на пространство — около 8 миль по меридиану и положительно определить северо-западный фарватер, по лиману от Татарского берега к берегам острова Сахалина направляющийся.

Первоначально я полагал возможным с моими средствами связать глубины лимана правильными промерами, из нескольких определенных пунктов производимыми; но последняя работа (л. 9) и большей частью свежие от S-да ветры и довольно сильные течения обнаружили и неудобства тяжелых гребных судов наших и совершенную невозможность в короткое время на пространстве 2000 квад. миль достигнуть предполагаемой мною цели; сверх этого свойства банок ясно показывали, что они не постоянные, а переносные, изменяющие фарватеры, а потому в этом случае правильные промеры необходимы бы были и принесли бы существенную пользу на фарватерах, определенных многолетними плаваньями судов по лиману, как это делается не только один, но и несколько раз в год лоцманами и проч. в местах, где существуют уже постоянные навигации. Соображая это обстоятельство, время и средства мои, я полагал достаточным и, смею думать, согласным с инструкциями вашей светлости, если, // не отвлекаясь подробностями промеров и не теряя на то напрасно времени, я разрешу главные вопросы: 1) какие глубины выводят из р. Амур в море, 2) осмотреть и привести в известность берега р. Амур — близ устья ее и берега лимана ее во всех отношениях и 3) разрешить, открыт или нет лиман с юга. Согласно с этим, с 6 по 14 число июля г. лейт. Казакевич описал и осмотрел берега Татарии от мыса Ромберха до устья р. Амур, вошел в реку осмотреть северный ее берег на пространстве около 10 миль и из реки не упуская глубин в северной части лимана, возвратился к транспорту. Г. мичману Гроте было поручено описать и осмотреть берег острова Сахалина до широты $52^{\circ}50'$ и разведать, нет ли на острове поселившихся иностранцев. Всем гг. офицерам при подобных отправлениях (л. 10) строго подтверждалось мною, входя в сношения с жителями для получения сведений об образе их жизни, числе населения, нравах и проч. под видом охоты, прогулок и т. под., скрывать от них, а особливо от могущих [в]стретиться европейцев, настоящую цель посылки, как можно ласковее обходиться с ними, привязывая их к себе отпускаемыми на этот

предмет от меня подарками, и, наконец, под самую строгую ответственностью избегать всяких неприязненных столкновений.

Отправив офицеров этих, чтобы сблизиться с кругом действий их и передвижениями транспорта связать берега северной части лимана, я перешел с транспортом в 53°14' сев. шир. т. е. около 15 миль южнее мыса Головачева, и при удобном случае продолжал промеры. //

Приведя таким образом в известность северную часть лимана описями со шлюпок и с транспорта, я, сдав команду транспорта старшему по себе г. лейтенанту Казакевичу и, сделав ему нужные наставления, утром 15-го числа с 3-мя офицерами на 3-х гребных судах отправился в р. Амур. Цель моя была определить: а) нет ли близ устья пункта, могущего запираť вход в реку из лимана, ибо на пространстве 10-ти миль от устья, обследованном г. лейтенантом Казакевичем, этого пункта не представилось, б) не имеется ли выхода из реки к югу (как показывали знаками г. лейтенанту Казакевичу жители), в) описать южную часть лимана, ознакомиться самому с берегами его и реки, фарватерами, течениями и народонаселением и, наконец, д) положительно разрешить, не заперт ли мелями вход в лиман из Татарского залива, т. е. распространить исследование на юг, за пределы исследований капитана Бротона.

(л. 11) 16-го числа от северного входного мыса прошел промером вверх по реке до полуострова, лежащего противу селения Налова — полуостровом великого князя Константина мною названного, а как место это, по моему мнению, соединяет в себе все условия пункта, могущего запираť вход в реку из лимана, то, не продолжая путь по реке далее от этого предела, до 19 числа спускаясь под южным берегом, определили: ширину и глубину пролива, отделяющего полуостров в. к. Константина, астрономическое положение дер. Куенкзе и широту дер. Чнирх-рах, описали и осмотрели берега реки на этом пространстве, определили фарватер под // южным берегом и от селения и мыса Вазсе по протоку между банками вышли из реки в лиман у мыса Пронг[е]. Отсюда до 26-го числа, не упуская глубин, пользуясь попутным ветром, спустились вдоль берега лимана через южный пролив в широту 51°45', т. е. около 5 миль за предел исследования капитана Бротона, и возвратились к мысу Погоби, определили вход из лимана к югу, астрономическое положение мысов Пронге, Муравьева и Погоби, и широты селений Мый и Чам; описали и осмотрели берега лимана и его окрестностей с юга на этом пространстве и обследовали устья рек, впадающих в лиман при селениях Уси и Мый и Чам. Затем, промерив Южный пролив и определив ширину его до 1-го августа, следуя вдоль берега Сахалина к северу и не упуская глубин, описали (л. 12) и осмотрели: восточный берег лимана, определили астрономическое положение мысов Погоби и Халезова и широту селения Нанью, обследовали устья рек Пыск и Ныйде и определив соединение южного фарватера с северо-западным, 1-го возвратился на транспорт.

Описав таким образом часть со шлюпок и часть с транспорта лиман и устье реки Амур, связав берега их обсерватными пунктами, определив выходы из реки в Татарский залив и в Охотское море и ознакомьсь со страной, жителями и свойством лимана в продолжение 34-дневного пребывания моего и полагая дело это в настоящее время достаточно конченным, согласно с волею вашей светлости, изъясненною мне во инструкциях, 2-го августа вышел из лимана и лег вдоль берега Татарий к Н-ду. До 29 августа // описал северо-западный берег Татарий, сделал промер и опись открытой мною гавани Счастья, опись и промер залива Св. Николая и обследовал губу в. к. Константина.

Берега реки Амур, лимана и его окрестностей

Река Амур, идущая по разлогу гор от WtS-да от мыса и селения Мяо на пространстве около 25 миль до впадения своего в лиман, течет к SO-ту и вливается в него между мысами Петоло и Пронге одним устьем. Полуостров в. к. Константина лежит от южного входного в нее мыса Пронге в 30-ти милях и отделяется от правого берега реки проливом в 350 сажен ширины и от 6 до 5 сажен глубины. Довольно возвышенный при проливе луговой полуостров этот, постепенно понижаясь и примыкая к северному берегу реки низменным песчаным перешейком в прилив около одного фута водою покрывающийся (л. 13), составляет ближайший от устья пункт, запирающий вход в реку из лимана. Противу его правый берег реки между возвышенностями от 120 до 200 фута представляет покатую к реке долину, в которой при маленькой речке расположено гиляцкое селение Нанова. Северный же берег до селения Куенкзе низмен [имеет] луговую с редким дровяным лесом поверхность. От этих мест левый берег до мыса и селения Чнирх-рах на пространстве около 10 миль приглубый и обрывистый, возвышенный (от 15 до 20 фута), он покрыт смешанным лесом и преимущественно строевым лиственным. Южный берег до мыса Мяо приглубый и вплоть к реке гористый. Затем берега реки Амур до устья ее, берега лимана на севере — западный берег гавани Счастья и далее до реки Кель // на юг до мыса кап. Невельского, берега окрестностей лимана, составляя подошвы сплошной цепи или отдельных вулканического образования гор Вазсе, Огоби и проч., представляют или покрытые лугами, рощами и прорезанные ручьями, речками и реками долины, или тундристые с редким дровяным лесом и озерами пространства, или большею частью превосходным строевым лесом *поросшие, покатые* возвышенности. Берега эти, выдаваясь в реке, лимане и окрестностях его низменными отмелями, или обрубистыми приглубыми мысами, образуют заливы и заводи: отмельные при берегах песчаных и низменных и приглубые при берегах песчаных обрывистых. Идущие от мыса Ромберха к NW-ту голые песчаные кошки, запирая залив от горы князя Меншикова и образуя (л. 14) тем огромное усеянное островами озеро, постепенно возвышаясь к гавани Счастья, принимают характер у этой гавани возвышенного матерого берега, здесь лайды эти покрыты во многих местах цветами, травой и кустарниками и имеют ширину от одной до полуторых верст. Берег острова Сахалина в лимане между рекою Ныйде и селением Юнуом, песчаный, низменный, отмельный и прорезан обсыхающими при отливе небольшими заливами; затем остальной берег острова песчаный, обрывистый и при реке Ныйде и в окрестностях мыса Халезова приглубый. Окрестности мыса Головачева до селения Ныйде на пространстве около 14 миль представляют поверхность, покрытую песчаными, голыми или поросшими кедровником буграми, окрестности же мыса Погоби — тундристую усеянную озерами и болотами плоскость. // Вся затем сторона остальной части острова в лимане, составляя подошву отдельных гор, посреди его лежащих, имеет одинаковый характер с долинами берегов Татарий. Острова, Чаменский архипелаг составляющие, равно и отдельный остров, в лимане лежащие, каменные, лесистые с берегами отмельными.

По берегам реки Амур, лимана и его окрестностей представляется много мест, удобных к заселению, и обильное количество строевого (ель, горная сосна, кедр, частью дуб и преимущественно лиственница) и корабельного леса, в особенности же в окрестностях селений Куенкзе, Нагава, Чнирх-рах, Вазсе, Пыске и Уси и мысов Пронге и Муравьева,

в окрестностях горы князя Меншикова и по западному берегу гавани Счастья и по рекам: Мый, Чам (л. 15) и проч. Реки, впадающие в лиман, Мый, Чам, Уси, Пыски и Наниа, имеют ширину от 8 до 15 сажен, а глубину от $1\frac{1}{2}$ до 4 сажен, глубина баров их от 3 до 6 фут. Берега рек этих, равно и острова в них лежащие, или возвышенные, или ровные, покрытые лугами, березовыми рощами и лесами.

Фарватеры, течения и броды в реке Амур и лимане

На обследованном мною пространстве река Амур имеет: ширину от $1\frac{1}{4}$ до 8 миль и глубину от 30 до 5 сажен, между мысами. Мьяо и Чнирх-рах пещаная с обсыхающими банками лайда, фарватер реки разделяет на северный и южный, первый из них шириною $\frac{3}{4}$ (при мысе Чнирх-рах) до 1 мили идет под северным берегом, под южным же берегом ширина фарватера от $\frac{1}{4}$ (при мысе Мьяо) до $\frac{3}{4}$ мили и глубина до 8 сажен. Между мысами Вазсе и Чнирх-рах оба фарватера, // соединяясь, имеют ширину до 2-х миль и глубину до 15 саженей, а при мысе Вазсе глубина реки 30 сажен. От этого мыса воды реки Амур течением своим к SO-ту, прорывая пещаные, большею частию обсыхающие лайдами покрытые, отмели, между мысами Петоло и Пронге, вливаются в лиман протоками, и отсюда начинается особого рода бар реки Амур.

Лиман реки Амур на всем своем пространстве между горою князя Меншикова и мысом Муравьева имеет вид огромной заводи, островом Сахалином и от востока заграждающей; воды Охотского моря — от севера, Татарского залива — от юга, вливаясь в лиман посредством проливов на севере и юге, остров Сахалин от материка Татарий отделяющих, и (л. 16) воды реки Амур от северо-запада наносят в него пещаные банки и отмели, происходящие от приливов и имеющие общее по меридиану направление; течения вод лимана прорывают в этих банках вдоль берега лимана каналы и заводи, течение же вод Амурс образует к каналам этим протоки — эти же смешанные течения, передвигая по лиману банки и отмели, изменяют и число, и состояние, и направление каналов, протоков и заводов. Таким образом, весь лиман на пространстве около 200 кв. миль составляет бар реки Амур и представляет собою как бы одну, изменяющимися каналами, протоками и заводами изрытую, пещаную отмель. //

Проток, от мыса Вазсе на мыс Пронге и далее по лиману к S-ду направляющийся, вывел нас из реки по глубинам от 10-и до 4 сажен, чрез южный пролив в залив Татарский, проток этот, соединяясь в южной части лимана с каналом, вдоль о. Сахалина идущим, образует с глубинами от 12-ти до $3\frac{3}{4}$ сажен выход из реки и в Охотское море. Указанный мне жителями проток этот, как можно было догадываться по знакам их, в прошедшем лете составлял более других приглубый фарватер. Найденные нами затем протоки, от северного видного мыса Петоло к NtO-ту по лиману направляющиеся и ближайшее сообщение реки Амур с Охотским морем представляющие с глубины от 5 до 3-х сажен, заграждаются от 5 до 8-ми фут отмелями.

Из южного пролива в северо-западный канал мы вышли по глубинам от 15-ти до $3\frac{3}{4}$ сажен.

(л. 17) Грунт в реке, в каналах, протоках и прорывах всегда жидкий ил, на отмелях и банках песок. Изменение горизонта воды в лимане, направление и сила течения весьма непостоянны и зависят от силы и направления ветров, положения банок, от направления и большей или меньшей сжатости каналов, прорывов и протоков. Вообще же за-

мечено, что в *северной части лимана*, при южных ветрах свежих, течение имеет постоянное направление к N-ду от $\frac{1}{4}$ до $2\frac{1}{2}$ узлов, при умеренных к N-ду около 2-х, а к S-ду около одного узла, при этом горизонт воды изменяется около $4\frac{1}{4}$ фут; при всех прочих обстоятельствах изменение горизонта воды около 6-ти фут, а силы течения к N-ду и S-ду $1\frac{3}{2}$ узлов. В протоках глухих и // открытых, сжатых и при банках и лайдах обрывистых сила течения около 4-х и более узлов. В протоках открытых и менее сжатых от 2 до $3\frac{1}{2}$ узлов; на банках же отмелых не более одного узла. В реке Амур и более противу северного сжатом, приглубом и чистом южном проливе, равно в окрестностях его в лимане и Татарском заливе, изменение горизонта воды и сила течения, хотя и зависят также от ветров, но, кажется, следуют более правильному закону. В реке Амур течение с приливом около $1\frac{1}{4}$ узлов, а с отливом до $2\frac{1}{2}$ узлов; горизонт воды изменяется около 3-х фут. В южном проливе и окрестностях его течение до 3-х узлов, горизонт воды изменяется около 3-х фут. В южном проливе и окрестностях его течение до 3-х узлов, горизонт воды изменяется около 7-ми фут.

Вода в реке Амур довольно чистая, мягкая и вкусная (л. 18), а при приливе мы не заметили изменения этого состояния ее, и пресный вкус воды встречается в лимане на пространстве от устья к югу около 15 миль, а к северу около 10 миль. Это последнее обстоятельство, общее направлению течения реки перед впадением ее в лиман к SO-ту и, наконец, сжатое состояние южного пролива, ощутительно более сильные течения с юга производящее, дает повод думать, что всегда более приглубые протоки из реки должны направляться в южную часть лимана. Значительная глубина реки Амур при устье ее (до 30 сажен) и открытое положение лимана с севера и юга, представляя свободное течение водам его по меридиану, заставляет сомневаться в том, чтобы когда-либо могло не существовать с достаточными глубинами // выхода из р. Амур в Татарский залив и Охотское море. Правда, что огромное пространство бара, или лимана реки Амур, банками и отмелями усеянного, весьма непостоянные, ни в силе, ни в направлении своем течения и изменяющиеся фарватеры, представляют плавание по лиману (особливо в северной части при господствующих здесь южных ветрах) для парусных судов весьма затруднительным, медленным и без надлежащего устройства почти невозможным, но, полагаю, что при необходимости плавания по лиману с устройством средств, служащих к обеспечению и безопасности этого плавания (лоцмана, вежи, пароходы и проч.), опыт укажет и на законы изменения (л. 19) течения, и на законы изменения фарватеров и, научив эти же течения употреблять в свою пользу, отстранит препятствия, кажущиеся в настоящее время столь важными, и относительно этого предмета ныне я могу сказать положительно следующее⁷: а) Подход к лиману с севера и юга совершенно безопасен и отличителен. б) Пред входом в лиман, как [с] севера, равно и с юга, стоять на якоре для всякого ранга судов возможно и безопасно. в) Вход в лиман с юга чрез южный пролив, имеющий ширину фарватера около 4 миль и глубину от 10-ти до 5-ти сажен, для всякого ранга судов, а с севера для судов около 20 фут сидевших, свободен.

д) Плавание по лиману северо-северозападным // каналом и южным до мыса Халезова широты $53^{\circ}5'$ и на юг до широты $52^{\circ}14'$ никаких не имеет препятствий при благоприятных и больших — при неблагоприятных обстоятельствах.

⁷ У этих слов на полях добавлен подзаголовок: «Закключение о лимане и реке Амур».

е) Дальнейшее плавание по лиману и вход в реку Амур без ограждения банок вежами и бакенами, без знания об изменениях фарватеров (т. е. без лоцманов), для пароходов больших рангов весьма затруднительно, а для парусных судов почти невозможно, для пароходов же речных — свободно, но за всем тем сообщение чрез (л. 20) лиман Охотского моря с Татарским заливом, равно и вход в реку Амур, открыты для судов значительных рангов, и с учреждением постоянной навигации можно надеяться, что не будет сопряжено с большими затруднениями.

В реке Амур и по берегам лимана ее представляется много мест, удобных к устройству елингов, для строенья судов всех рангов и в особенности в реке при селениях Нанова, Куенкзе, Чнирх-рах, в Вазсе и в окрестностях мыса Пронге, в лимане на севере при селении и реке Нанио.

ж) По всему почти лиману под берегами его идет каботажный канал с глубинами не менее 3-х фут. Канал этот, представляя весьма удобное сообщение реки Амур с различными // пунктами, по берегам лимана лежащими, выводит из него у горы князя Меншикова в озеро и направляясь под восточными берегами которого до гавани Счастья, в северо-западной стороне этого озера находящейся, составляет внутреннее сообщение этой гавани с рекой Амур.

Гавань Счастья лежит от горы князя Меншикова в 10-ти милях, а по прямому направлению от реки Амур сухопутно (при селении Куенкзе) около 30 верст. Закрытая от SO-та чрез S-д до NW-та гористыми берегами Татарий от NW через N до SO-та песчаными, возвышенными (от 20 до 30 фут) и широкими (от 1 до $1\frac{3}{4}$ версты) кошками, гавань представляет большие удобства для порта, находясь же в окружностях лимана и реки Амур и имея (л. 21) внутреннее сообщение с рекой Амур посредством упомянутого каботажного канала и реки Иской, составляет весьма важный пункт, имеющий непосредственное влияние на вход в лиман с севера и на самое устье реки Амур.

Гора кн. Меншикова и отдельная круглая гора, в окрестностях мыса Перовского лежащая и постепенно уменьшающиеся к берегам ее глубины, составляют подход с моря к гавани Счастья отличительным и безопасным. Вход в гавань эту идет между песчаными возвышенными кошками, имеет ширину от 1 до $1\frac{1}{4}$ версты, находящиеся в нем песчаные банки образуют с глубиною от 14 до 17 фут и шириною от 100 до 200 саж. два ведущие в гавань эту фарватера. Ограждая эти банки вежами, // суда, до 14 фут сидевшие, при ветрах от NW-та чрез O-т до SW всегда свободно в нее входить могут. Течение при входе замечено около 3-х узлов, в гавани до $2\frac{1}{2}$ узлов, горизонт воды, судя по знакам на берегу, изменяется около 6-ти фут, глубина в гавани — под восточными берегами на пространстве 3-х верст от 24-х до 42 фут, грунт черный ил.

Западный берег гавани Счастья гористый, отмельный, впадающая с этой стороны в нее река Иской, по сведениям, мною собранным, имеет глубину до 5 сажень и посредством озера, из которого она вытекает, представляет сообщение этой гавани с рекою Амур. В 15-ти милях от гавани Счастья в небольшой залив, удобное якорное место представляющий, впадает река Кель; река эта (л. 22) шириною до 15 сажень и глубиною до 4 сажень, а при बारे от 6 до 5 фут, по сведениям, мною собранным, посредством озера Чли и двух вытекающих из него речек имеет сообщение с рекою Амур. Таким образом, обе реки эти представляют внутреннее сообщение гавани Счастья и окрестных берегов ее с берегами реки Амур в окрестностях полуострова в. к. Константина.

Соображая все сказанные обстоятельства, нельзя положительно не

убедиться в том, что закрытый островом Сахалином бар реки Амур, с его свободным и безопасным входом с моря, с его окрестными рейдами и гаванями, имеет большое преимущество противу баров рек, подобных реке Амур (Северная Двина и проч.), и нельзя не убедиться в том, что открытая океанам река Амур с живописными // и поросшими могу-чею растительностью берегами своими, неисчерпаемые источники к благосостоянию человека представляющие, и как единственная текущая от запада в Восточный океан, может составлять и непоколебимый оплот, жизнь и могущество Северо-Востока Азии.

*Юго-восточные берега Охотского моря
от окрестностей гавани Счастья до Тугурской губы*

Юго-Восточные берега Охотского моря от окрестностей гавани Счастья вообще приглубы, гористы и к морю отвесно утесисты. Большею частью голые скалы, их покрывающие, выдаваясь в море возвышенными мысами, образуют заливы, губы и заводы, берега которых, составляя частью отлогие и частью ровные к морю подошвы гор, прорезаны ручьями и речками и покрыты или лугами, или мысами, или болотами. Заливы: Екатерины, Рейнеке и Александры (л. 23) и Ульбанская губа (под западным берегом) имеют изрядные якорные места.

Залив Св. Николая

При северо-восточном берегу Ульбанской губы вдается в материк имеющий вид озера узкий (от 4 до 6 миль) и длинный залив, залив Св. Николая мною названный — туземное же название, по впадающей в южной части его маленькой речки Усальгин, он имеет *название* губы Усальгинской, северная часть этого залива на пространстве около 10 миль лежит по N(?) — StW-т, южная же затем имеет направление на SSW-т. Первая с глубинами от 12 до 9 сажен представляет превосходную рейду, а вторая на пространстве около 10-ти миль с глубинами от 4 до 9 сажен огромную гавань. Вход в залив этот, шириною до 4 миль и глубиною от 14-ти до 12 сажен, лежит между приглубыми весьма отличительными // мысами Гроте и графа Лансдорфа [Ламсдорфа], мною названными, в нем нет ни рифов ни банок; а потому как вход, так равно и подход к заливу Св. Николая с моря, по множеству предметов служащих к определению места, должен быть признан наилучшим, какого только желать можно, и безопасным еще тем, что пред входом в залив этот можно стоять на якоре (глубина около 15 сажен). Грунт по всему заливу — хрящ, течение до 2½ узлов, горизонт воды изменяется около 13 фут. Западный берег залива Св. Николая от мыса Гроте около 5 миль утесистый, отмельный, отсюда на пространстве 15 миль берег этот песчаный, приглубый (вплоть к берегу глубина от 6 до 3-х сажен), обрывистый, далее песчаный (л. 24), низменный, отмельный. От окрестностей мыса Бутакова на пространстве около 12 миль к S-ду сторона по западному берегу залива представляет прорезанную речками, ручьями и покрытую лугами и различного рода строевым лесом поверхность; на этом пространстве на каждом шагу представляются места, удобные к заселению и к возможному устройству порта, особливо при мысе Озерского, здесь между песчаною кошкою и матерым берегом образуется небольшой залив, залив этот при малой воде почти обсыхает, но пред входом своим имеет глубину около 4-х сажен — таким образом, он представляет как бы природный док. Восточный берег залива Св. Николая гористый, покатый, приглу-

бый; горы и их отлогости, // покрытые лесом, долины же, ими образуемые, и разлоги покрыты лугами. Северная часть этого берега на пространстве около 8 миль представляет тундристую плоскость. Озеро, лежащее на низменном перешейке,—залив Св. Николая от залива Александра отделяющем, равно и все впадающие в залив реки, имеют обильное количество различного рода рыбы.

*Сведения, собранные от промышленников, о сообщении
залива Св. Николая с рекою Амур*

По сведениям, собранным мною от промышленников, к SW-ту от залива Николая находится озеро Чиглика или Чля. Из него вытекает довольно значительная река, которая около 10-ти миль от полуострова в. к. Константина впадает в реку Амур. Тунгусы по зимнему пути от залива Св. Николая до озера на одних оленях доезжают с небольшим (л. 25) в двое суток, озером едут около одних суток и отсюда по реке до реки Амур около половины суток, следовательно, залив Св. Николая по этому пути лежит от реки Амур около 130 верст. Половину этого пространства составляет *переволок*, по которому, по словам промышленников, ни крутых подъемов, ни перевалов чрез горы нет. Вся дорога по разлогу горы почти ровная.

Залив в. к. Константина

Залив в. к. Константина имеет весьма хороший и отличительный подход с моря, вход же в него, лежащий между каменистыми рифами, не безопасен. По отмельным же в малую воду до 1½ верст, обсыхающим берегам своим и по переносным в более других закрытой северной части его банкам, залив этот не представляет, по моему мнению, место, удобное для основания // порта,— течение в заливе в. к. Константина замечено нами около 3-х узлов, горизонт воды изменяется до 12 фут. Перешеек, отделяющий этот залив от Тугурской губы, от мыса Инкагана к западу, непроходимый болотистый, имеет ширину около 3-х верст; при возвышенном же и утесистом юго-западном берегу ширина перешейка около ¾ верст, и здесь он представляет довольно удобный переход с берега его на берег губы Тугурской.

Тугурская губа и река Тугур

Тугурская губа, осмотренная в северо-восточной части г. мичманом Гроте и вся обследованная г. Орловым, имеет берега отмельные, при отливе около двух верст обсыхающие, льды в ней г. Орлов встретил в исходе июля. Она в северной части камениста, а потому плавание по ней (л. 26) по причинам подводных камней опасно, глубина в ней не более 7-м сажень. По сведениям, доставленным мне г. Орловым и промышленниками, бар реки Тугура при отливе совершенно обсыхает, при приливе же глубина на बारे около 5-ти фут,— река Тугур имеет ширину от 10 до 25 сажень и глубину от 3 фут до 6 фут. На пространстве около 30 верст до устья течет в берегах низменных, болотистых, а далее возвышенных лесистых⁸. Около 90 верст от ее устья к реке Тугуру на расстояние 6-ти верст подходит река Амал — это разделяющее две реки пространство представляет совершенно ровную луговую степь, в 40-ка

⁸ У этих слов на полях добавлен подзаголовок: «Сведения о сообщении Тугурской губы с рекою Амур по рекам Амал и Амгуна».

верстах от этого места река Амал соединяется с рекою Амгунь, которая около 20 миль выше полуострова в. к. Константина впадает // в реку Амур. Тунгусы зимою от устья Тугура до Амгуна на одних оленях доезжают в 2¹/₂ суток, по Амалу до Амгуна едут около одного дня, по Амгуну же до реки Амура около 5¹/₂ суток; следовательно, расстояние между устьями Тугура и Амгуна этим путем составляет около 300 верст. По берегам Тугура и Амгуна кочуют тунгусы и гиляки, берега же реки Амгуна населяют нейдальцы, а при устье ее живут гиляки. Реки Амал и Амгунь на сказанном мною пространстве текут вообще в берегах более ровных и покрытых или превосходными пастбищами, или строевым лесом. Берега Амгуна близ устья возвышенные и покрытые корабельным лиственничным и частью дубовым лесом. Обе реки эти широки, глубоки (л. 27) (до 10 сажен) и судоходны; от реки Амгуна по берегам реки Амур вверх и особливо по правому имеются превосходные корабельные дубовые рощи. Здесь, по словам промышленников, встречаются дубы в отрубе до аршина и длиною до 15 сажень. Река Амур от устья Амгуни имеет ширину до полуострова в. к. Константина от 2-х до 3-х верст, глубину до 40 сажен, оба берега ее на этом пространстве населяют гиляки; от устья же Амгуни вверх по реке Амур живут племена *Натку*, *Салодина* и *Даурцы*. От устья Амгуни до первого монгольского города и заселений, при большой реке, впадающей в реку Амур, с юга находящегося, гиляки, для вымена на пушные товары, рыбу и проч., китайки, табаку, котлов и прочих необходимых для них потребностей, поднимаются вверх по реке Амур около 22-х // суток. Следовательно, от устья Амура до первого монгольского заселения, близ правого берега реки Амур лежащего, около 800 верст. По сведениям, собранным от гиляков промышленниками, на всем сказанном пространстве от города до устья реки Амур по обоим берегам ее нет ни одного монгольского заселения.

**Жители
острова Сахалина, лимана и его окрестностей.
Первая встреча, одежда, промышленность,
нравы, обычаи и проч.**

По прибрежным жителям острова Сахалина и устья реки Амур хотя и нельзя сказать положительно о заселении целого края, но, входя во все подробности, сколько позволили на это обстоятельства и время, и не углубляясь во внутренность страны (л. 28), могу заключить из собственных своих замечаний, из донесений господ офицеров, посылаемых для осмотра берегов, что весь обследованный нами край обитаем значительно.

Как на восточной части острова, на северной между мысами Марии и Елизаветы, в бухте Байкал, на западной до южного пролива, равно как и на восточном берегу Татарии и в самой реке Амур, встречали заселения и жителей, и именно в тех местах, где береги по большей части низменные, песчаные, имеют все удобства для оседлости обывателей сообразно с их промышленностью и средствами к жизни. //

Первая наша встреча с жителями была на восточной части острова в окрестностях и в самой гавани Байкал, [залива] Благополучия. 12 числа июня посланные (г. лейтенант Казакевич и мичман Гейсмар) на берег для осмотров имели первое свидание. Только что пристали шлюпки к берегу, как уже толпа любопытных шла издали навстречу и, как видно было в трубу, была вооружена стрелами, но с приближением жители положили это оружие за кусты. Первым постоянным правилом

было принято на отправляющихся на берег шлюпках для предосторожности иметь гребцов, вооруженных ружьями; но только в самой крайности прибегать к нему и под самую строжайшую ответственность, избегать всяких неприязненных столкновений, как можно ласковее и с большою осторожностью обходиться с жителями. Кроме того, каждый офицер, отправляясь на несколько дней, имел от нашего доктора наставления и необходимые (л. 29) медицинские пособия. Видно, что жители не решаются подойти к шлюпкам, им начали махать, зовя к себе, после чего трое, отделясь от толпы, стали подходить, а за ними вскоре и вся толпа двинулась.

После разных обоюдных приветствий, чтобы расположить их в свою пользу, делавши им подарки: огниво, кремни были в большом почете, а табак кажется неocenим, они принимали его с жадностью. Из расспросов знаками нельзя было положительно узнать: что они за народ и чью признают власть над собою? По физиономии смесь японского и китайского типа. Одежда их состояла из кухлянок, но без капюшона, или, лучше сказать, из коротких кафтанов, сделанных из тюленьей кожи; длинные торбаса // из той же кожи были подвязаны под коленом, оставляя верхнюю часть ноги голою; как кафтан, так и торбаса были надеты на голое тело. У многих такого же покроя кафтаны были из синей китайки. Головы ничем не покрыты, волосы черные, гладкие и заплетенные в косу, висевшую сзади; глаза черные, не слишком узкие, с прорезью монгольского типа, кости в висках выступившиеся, некоторые были высокого роста, статные и плечистые, а прочие среднего, всякой имел при себе по одному, а некоторые по два ножа, висевшие на ремнях, опоясанных сверх одеяния, у других висело огниво и в сумках древесный труть. Ножи и огниво имели большое сходство с якутскими. Вечер не позволял в этот день отдалиться от берега к видимым хижинам, которые (л. 30) на довольно значительном расстоянии стояли от места наших шлюпок. На другой день, осматривая шхеры Благополучия (г. мичман Гроте и подпоручик Попов), прием жителей, которые, как видно было в трубу, следили за действиями транспорта, был торжественнее. По мере приближения шлюпок наших к берегу, где были расположены деревни, жители собирались большой толпой, вооруженные стрелами, копьями и ножами, что заставило принять осторожность и зарядить ружья; подходя ближе, шлюпка стала на мель, жители в намерении, может быть, показать свою храбрость, или чтобы не делать вида неприязненности, положили оружие в сторону и сели на берегу, показывая место, где можно было пристать шлюпке; когда мичман Гроте // пристал к берегу и пошел к ним, тогда от толпы отделился старик и пошел к нему навстречу, приблизясь на такое расстояние, что каждый мог подать друг другу руки (старец, по-видимому, был старшина). Не удовлетворяясь обыкновенными приветствиями, начал обнимать и по их обычаю, не целуясь, а прикладывая только щеки. Когда другие увидели, что их обычаи строго соблюдаются и не имеют намерений их обидеть, из толпы начали понемногу подходить и другие. По обыкновению им даны были подарки; после чего в сопровождении этих знакомцев осматривали хижины.

Селение лежало на острове вдоль берега и расположено было в два ряда в расстоянии один от другого около 50 сажень; строение хижин двоякого (л. 31) рода: одни имели основания четырехугольные, и крыши из еловой коры сходились к вершине конически, а другие имели конические основания, покрытые рыбьей кожей; как те, так и другие построены из шестов, вход в жилище не заперт дверью, а был свободен, во внутренности лежала по сторонам разная утварь (кажется, японской

работы): чугунные котлы на трех ножках с откидными ручками, рыбы кожи и тюленьи шкуры. Вокруг хижин были привязаны собаки, принадлежащие к одной породе с камчацкими. В кедровнике за юртами паслось стадо оленей. Все переговоры были пантомимами: им показывали карту, чтобы узнать, не имеется ли сообщение водою с противоположно[ю] частью // острова, они не поняли, выражая это, затыкая уши, что *рождало* общий смех. После разных *менок* и подарков (за топор брали у них *луки* — они отдавали с удовольствием, а подарки принимали еще лучше) расстались *приятельски*.

В то время когда шлюпки наши были на берегу, к транспорту подъехала туземная лодка, выдолбленная из целого тополевого дерева, на которой помещалось 8-мь полунагих гребцов. При всем старании на наши просьбы войти на транспорт они разными увертками отказались.

В следующие дни при проходе транспорта вдоль берега во многих местах видели жителей и, когда была послана шлюпка, для осмотра какой-либо заводи, или озера, всегда почти встречали, если не жителей, то по висевшей (л. 32) на жердях рыбе можно было предполагать о существовании poblости жильцов. Вероятно, видимые здесь нами селения, выстроенные так непременно для холода, есть только летние кочевья приходящих жителей из окрестностей для рыбной ловли и за тюленьим промыслом, которых здесь в изобилии. Конечно, они не имеют средства добывать китов, до которых, вероятно, китобойные суда еще не совсем добрались, но это изобилие выше всякого *объяснения* — транспорт с утра до вечера был окружен стадами этих животных, которые плавали около нас, не опасаясь за свою жизнь. Между мысами Марии и Елизаветы *в живописной* равнине лежит довольно значительное селение, которое имеет более фундаментальности // в постройке и в оседлости к жизни. Сначала посланная с него шлюпка не совсем была принята благосклонно жителями, которые вышли навстречу ей на своих шлюпках и махали веслами, чтобы наша шлюпка не подходила к берегу, но когда подошла на такое расстояние, что можно было передать им соблазнительный табак, их неприязнь понемногу смягчалась, и вскоре шлюпка наша, в сопровождении 6-ти лодок, на каждой из которой были по 8-ми человек, вошла в залив, в котором были расположены селения. Жители, видя, что нет никаких намерений с нашей стороны их обижать, начали предлагать разные менки. Собацьи шкуры и тюленьи кожи был самый дорогой товар. По большей части эта мена всегда (л. 33) была в их пользу, подарками без возмездия, но, несмотря на нашу щедрость, они не желали допускать нас в свои дома, не говоря уже о сбережении женщин, которые с приближением шлюпки к берегу взбирались на отдаленные возвышенности. Вероятно, как впоследствии и объяснилось, — эта боязнь происходит от заходящих за дровами китобоев, которые большие охотники к разным насильствиям. Во всех селениях западной части острова встреча с жителями была вообще дружественная, подарки и наши ласки им делали их доверчивыми, исключая деревни Тамлево на мысе Головачева, где жители показали самую большую и дерзкую наклонность к воровству. Наша шлюпка не могла за свежестию ветра // и усиливающегося течения попасть засветло на транспорт; должно было спуститься для ночлега на берег.

Свежим ветром и течением вельбот выбрасывало несколько раз на банки. Перемокшие от работы г. Гейсмар и гребцы стаскивали шлюпку. Поздно уже ночью у разведенного огня на берегу сушили платье и обувь. В это время жители в числе ста человек собрались около огня, и многие, стараясь показать свое усердие, пособляли вытаскивать из *вельбота* вещи, несмотря на то что г. Гейсмар, чтобы не

подать средств к воровству, старался отклонить их от этой услужливости, но они, не упуская из виду своего ремесла, нахально многие вещи похитив, разбежались. На другой день, вероятно боясь мщения (л. 34), вся деревня около 200 человек была вооружена. Время не позволяло тотчас же предпринять что-либо для выручки вещей, что я полагал необходимым сделать, разумеется без неприязненных столкновений, дабы не подать повода другим на будущее время и избежать могущих от этого произойти ссор. Ожидал удобного случая, который скоро представился. Похитители, видя, что мы не обращаем внимания на их поступки, или, может быть, надеясь, что мы их не узнаем, через два дня после этого происшествия привезли на транспорт, для вымена на табак, свежую рыбу. Я, показав им на украденные вещи, объявил, что до тех пор пока вещи эти не будут возвращены, двое из них // должны оставаться на транспорте. Все они, а особенно выбранные старики заложниками, хорошо поняли и, желая избежать ареста, показывали, что они будто бы совершенно не знают о похищении и живут в другой деревне, но видя, что хитрость эта не помогает, переговора с товарищами, отправили их на берег. Ожидания мои исполнились. На другой же день мы увидели идущих от берега наполненные людьми три шлюпки, они, не доходя на значительное расстояние до транспорта, перестали грести и кланялись весьма униженно, когда им позволено было подойти к транспорту, один из пассажиров поднял вверх живую собаку и, низко кланяясь, как бы предлагал выкуп (л. 35) за товарищей. Когда их спросили — где же вещи? — они очень хорошо поняли, об чем их спрашивают, но как бы из предосторожности не ранее возвратили вещи, пока не были спущены к ним арестанты. И когда арестованных мы одарили: ножами, огнивами, топорами и проч., и когда, вероятно, эти последние рассказали им, как мы с ними ласково обращались и как хорошо их кормили, радость всех была невыразима, каждый из них лез ко мне обниматься, показывали знаками — жаловались, что суда с моря подходят к их деревне и делают разные неистовые бесчинства. Многие же, обращаясь к товарищам своим, бранили их за поступок с нами. Эти же последние показывали знаками, что они в нас ошиблись; // вся эта история кончилась тем, что мы расстались совершенными друзьями и с этих пор встречали везде самые миролюбивые приемы.

Вообще же надо отдать преимущество жителям материка перед островитянами. Хотя и были шалости, но это простительно: нельзя, чтоб из толпы любопытных, окружающих день и ночь палатку, не нашлось ни одного, чтобы не соблазниться топором или какой-нибудь невиданной ими вещицей; в самых домах и одежде, видно, как бы более оседлости и роскоши, в ответах более толку и догадливости. Когда вечером после работы ставится палатка, которая, конечно, их удивляла, большой кружок собирается около огня и с маленькими трубочками, (л. 36) не смея перейти без позволения за черту, которая обводилась кругом палатки в присутствии их, показывая ее значение, для того чтобы избавить себя от воров, а жителей от соблазна, в этих беседах многие показывали сметливость и на наши знаки отвечали удовлетворительно: один, взявши карандаш и бумагу, чертил, конечно, не совсем хорошо, карту всего лимана с названиями деревень, другой показывал знаками глубину фарватера, но удивил более всех геометрист (в реке в дер. Чнирх-рах), который чертил на песке границы владений гиляков и манжуров; знал якутов, а еще более поразил, *когда начал* по-русски называть некоторые вещи: чайник, ружье, курок, и знаками показывал, что он знает об винтовке.

Этот же рассказчик был первым, который сказал, что он не манжур, а гиляк. И вся толпа начала называть себя гиляками, потом, обведя на все точки пространства острова, устья и части реки, показал, что все это населено гиляками и что он не принадлежит манжурам; но из всего видно, что их не любят и боятся.

Они сначала не знали, за кого нас принимать, и, когда мы спрашивали их *Чи-Манжу*, они качали головой в знак согласия и непременно в свою очередь спрашивали, что мы манжу, и, когда им делали отрицательный ответ, они качали головой с недоверием и все затем разговоры кончались обниманием, до которого они большие охотники. Затем почти в каждой деревне, чертя на песке и ставя палки вместо деревьев, рассказывали их названия (л. 37). И далеко за южный пролив по берегам Татарии обитают гиляки.

Нелюбовь же их и боязнь к манжурам можно было видеть во многом. Например, в одной деревне, когда мы уже ознакомились и назвали их гиляками, и они убедились, что мы не манжуры, то в доказательство их к нам расположенья втыкали в землю палки, называя их манжурами, и потом с сердцем сколачивали одну за одной. Боязнь же один выразил ясно, когда ему было предложено ехать на транспорт, как знающему фарватер реки, то он знаками показывал, что он боится сначала своих товарищей — его никак не могли соблазнить самые дорогие подарки, куртка, брюки, сапоги и проч.; но это его так заинтересовало, что весь вечер он не отходил от палатки // и, когда все его товарищи разошлись, он выразил свою боязнь таким образом: сперва показал на своих товарищей, которые видели, как он рассказывал глупину, и слышали, что предлагали ему ехать на судно, то потому, если он согласится, товарищи его не преминут донести манжурам, которые придут и убьют его.

В таких беседах познакомились мы с гиляками и за угощения и ласки наши они всегда старались отвечать; приглашая к себе в хижины, предлагали нам сырую белуху, *нерпичий* жир, ягоды и сарану. Если мы отказывались есть сырую рыбу, они предлагали ее сварить, но нечистота не допускала воспользоваться вполне нам хлебосольством, мы старались сколь возможно отказываться от подобных слишком негастрономических обедов, однако, видя (л. 38), что если мы [не] попробуем особенно нерпичего жиру или сырой белухи, они обижаются, а потому, чтобы еще более сблизиться с ними исполнением их обычаев, часто случалось пробовать эти отвратительные закуски; беседа эта кончалась куреньем табаку и подарками хозяину и *хозяйке* за *угощение*; и наконец все семейство по очереди подходило обниматься. Зеркал, кажется, они никогда не видали; они возбуждали всеобщий смех и удивление, гиляки их вертели — заглядывали. Когда жители узнали, что мы не манжуры, женщины никогда не исключались из общества.

Все деревни по лиману и в окрестностях его к северу и югу на материке и на острове имеют одинаковый характер. Деревни обыкновенно расположены на луговых или пещаных // отлогостях, около моря, чтобы без малейшего труда можно было ловить рыбу.

Дома разделяются на зимники и летники: первые стоят на значительном от земли возвышении, фундаментом им служат толстые кокуры, врытые прямыми концами в землю, а на кривых, как на балках, кладутся незначительной толщины бревна по большей части еловые, концы бревен в углах соединяются обыкновенным замком вырубкой. Крыша из еловой коры положена небольшими пластинками, так чтобы вода могла стекать, не попадая внутрь. Передний фасад имеет открытую с боков галерею, или балкон, на которую ведет лестница, во всех домах оди-

наковая, состоящая из неширокой, засаленной жиром (л. 39) плахи с зарубками вместо ступеней.

Галерея всегда наполненная любопытными женщинами (при нашем посещении) обвешана только что пойманной белухой, которой внутренность и кровь делает неприятный вид и издает скверный запах; кроме того, на жердях висит для сушения мелкая рыба. С галереи этой, имеющей ширину от 5 до 4 фут, вход в первую комнату, где на жердях вдоль висит сушеная рыба, на полу же домашняя утварь: сети, сундуки, обувь, платья и проч., посредине же собака [?] — наконец, отворяя на деревянных петлях *низенькую* дверь, входим в гостиную, спальню и кабинет: здесь идет дружеская беседа, толпа женщин не весьма красивых и чистых сидит, поджавши ноги или полулежа в углу, — комната обставлена по // стенам широкими нарами, на которых беседуют мужчины; почетное место для гостя покрыто всегда сплетенной из травы циновкой.

Посредине складена печь, занимающая почти всю длину комнаты. Печь эта состоит из нескольких досок, поставленных ребром на пол, составляя четырехугольник вышиною от полу на один фут. В средину *набито* земли и положено несколько камней. В печи огонь почти не угасает. Для выхода дыму в *крыше* оставлено отверстие, которое в ненастную погоду закрывается. Над огнем висят жирные части белухи и *коптится* рыба — жир с них *каплет* в чугунный, поставленный на огонь котел. Все это издает удушливый запах. Разность в устройстве зимних жилищ, всегда в некотором расстоянии (л. 40) от летников находящихся, состоит в том, что они становятся прямо на землю и для тепла обмазываются смешанною с травою грязью, дверь околачивается тюленьей шкурой. Печь в избе не посредине, а у одной из *стен*; от нее под нарами, или лучше за лавками, проведена труба, которая, выходя на волю, вставляется в пустое внутри поставленное у дома дерево.

Под домами на привязи находятся собаки. Около каждого дома устроена особая *сушильня*, в которой на жердях правильно *нанизанная* за головки *вялится* на солнце рыба. Эта *сушильня* состоит из бревенчатой площадки на таком же фундаменте, как и дома. У многих домов на привязи откармливаются орлы и в клетках — медведи и лисицы. Кроме обыкновенной потребности // встречаются в домах вещи манжурской работы, и как они видели, что мы интересуемся знать, откуда какая вещь приобретается, они всегда предупреждали вопрос, показывая: на ножи, копыя, топоры они всегда показывали знаком отрицательным, что это не манжурские, сундуки же, разные тарелочки, чайники, табак — манжурский.

В значительном расстоянии от селения встречаются кладбища, нося на себе отпечаток суеверия. Над каждой могилой в разнообразных формах в миниатюре построены домики, или поставлены с маленьким навесом столбики. В этих памятниках обыкновенно находятся чучелы в *полном* гилацком костюме, или завернутые в бересте табак, брусника и разные травы.

Тип физиономий обывателей материка и устья реки такой (л. 41) же почти, как островитян, но гораздо более смешанный. Нельзя сказать, чтобы они были все брюнеты и имели *монгольский* оклад лица, много из них есть с русскими волосами и совершенно прямой прорезью глаз, одежда более роскошна, нежели у жителей восточной части острова. Все почти имели из китайки шаровары и короткие кафтаны или из китайки же, или из рыбьей кожи, на ногах или торбоса, или полусапожки с широкими разрезными голенищами. Довольно красиво и со вкусом вышитыми узорами шляпы ими редко употребляются. Они сделаны из толстой березовой коры, низко конические с широкими *полями* и на-

ружная сторона по белой березовой коре обкладывается черной корой замысловатыми узорами. Женщины имеют одежду // вроде блузы (из китайки), застегнутой спереди медными пуговицами. Подол у щеголих убран разными металлическими вещами, головной убор тот же, что и у мужчин. В ушах огромные серьги, на которых навешаны разные побрякушки — тут же находили место и дареные нами пуговицы; на руках — медные кольца и браслеты из медной проволоки. Все почти мужчины носят на большом пальце особой формы кольца — у иных гладкие, а у некоторых — расписанные разными красками. Маленькая трубочка и сумка с табаком есть необходимая принадлежность каждого. Как мужчины, равно и женщины, весьма грязны. Они не имеют понятия об обычае умываться, и от этого многие из них страдают глазной болезнью. Толпами приходили (л. 42) к нам, прося *излечения*. Мы показывали им, что это происходит от нечистоты, заставляли их мыться. Первый опыт был сделан над девушкой довольно приятной физиономии, показывая ей, как она похорошеет, когда вымоет руки и лицо. Любопытство заставляло удовлетворить нашим просьбам и подаренное *зеркальце* вполне доставило ей удовольствие. Они смотрели беспрестанно, поворачивая его в разные стороны, и делали разные гримасы, чтобы убедиться, точно ли они видят себя. Подарки или перерождение девушки — произвело на молодых людей влияние, все, кроме стариков, бросились умываться, тря лица свои без жалости и утирались грязной *полой* своих платьев.

Об религии нельзя сказать ничего положительно, ибо нигде не встречали никаких признаков // ее; но видно, что обряд венчания совершается, и многоженство не в обычае. Отличительный характер увертливо отвечать прямо на вопрос, хитрость, недоверчивость и склонность к воровству, которое, как кажется, не считается преступлением, но, как видно, его не поощряют и не наказывают. Дружество их между собою, или, лучше сказать, хлебосольство, отличительное; давши сухари или чего-либо из нашего обеда одному, он разделяет этот кусок на самые гомеопатические части, давая пробовать товарищам. Пьянство, как между жителями материка, равно и островитянами, мы не заметили, кроме жителей селения Тамлево у мыса Головачева. Первая просьба этих жителей была «арак», ром — у них видели также английские иголки и ножи, (л. 43) что прямо подтверждает сношение их с китобойными судами.

Любопытство выше всякого описания: стоит одному подойти и рассматривать на нас пуговицу или сукно на сюртуке, незаметно вся толпа окружает, и, если не принять меры, любопытству и удивлению не будет конца и предела. Даже интересуются видеть, такое ли у нас тело, как у них.

Вооружение у жителей всего осмотренного мною края одинаковое. Луки и стрелы и редко встречали копья; но, кажется, они не искусные стрелки. По крайней мере старались пред нами скрывать это искусство. На просьбу нашу показать их в этом ловкость, они всегда отказывались, под предлогом что можно потерять стрелу, или сломать ее. В одном из селений после // убедительных просьб наших старый гиляк, как ловкий, по указанию других, стрелок, едва за 20 шагов мог попасть в большой куст. После этого вся толпа пристала к нам и просила показать нашу ловкость с оружием. Удивление было невыразимо, когда выбранные четыре матроса на значительном расстоянии попали ружьями в цель. После каждого выстрела вся толпа бросалась к дереву, чтобы увидеть, точно ли там находятся пули. Копья довольно хорошей доброты и работы с различными насечками, форма копья растянутый

эллипсоид, вес один фунт, длины и около 3-х дюймов ширины. Они крепко *насаживаются*. Древко фут шесть длиною. Это оружие, как кажется, гиляки считают неоцененным, и за все наши предлагаемые вещи они не хотели его уступить (л. 44). Каждый гиляк всегда имеет при себе два ножа, один большой, кажется, для защиты, а другой маленький, для крошения табаку. Ножи и топоры они, вероятно, получают от наших промышленников, потому что совершенно такой же формы и достоинства, как у якутов. Это тем подтверждается, что в одном доме деревни Кель мы видели три винтовки, ничем не отличающиеся от якутских, и хозяин их нам показал знаками, что он добыл их на Тугуре от тунгуса и якута.

Главная промышленность гиляков рыбная ловля, что достается им весьма легко, потому что видимые нами стада белух покрывают все пространство лимана. Не говоря уже о множестве красной рыбы — хайко, и горбуши и в реке огромных налимов и осетров, и проч. // Этой рыбы в большом изобилии. Белух ловят следующим образом: на глубинах ставят заколы, между ними протягивают сети и оставляют на ночь или со шлюпок, привязанных к этим заколам, бросают в белуху длинный тонкий шест, у которого на конце насажено острое с зазубринами железное копьё с привязанным к нему длинным ремнем, закрепленным одним концом в шлюпке; остальную рыбу ловят весьма просто: перед каждой деревней от берегу в море на значительное расстояние вколачивают колья. Человек на берегу, привязав конец невола на длинную полку, из нескольких тонких жердей составленную, заводит его за сколоченный кол. Другой же конец оставляет прикрепленным на берегу. Рыба, идя вдоль берега, запутывается (л. 45) головой в сети и бьется до тех пор, пока тот же человек подходит и вытаскивает ее, бросая на берег или в шлюпку. Кроме рыбного промысла гиляки добывают тюленей, которых множество в лимане и его окрестностях. Они бьют их точно так же, как и алеуты, маленькими стрелками или камнями. Остаток за необходимыми потребностями от этого промысла, равно как собачьи шкуры и все *пушные* товары, добываемые, как кажется, сообразно с их бедными к тому средствами в весьма незначительном количестве, мы видели, однако, соболей и чернобурую лисицу: для вымена на китайку, табак и проч. *везется* в Манжурию. Туда также идут шкуры и медведей и выращенные орлы. Признаков же ни хлебопашества, ни скотоводства, // ни огородничества нигде не заметили. Промышленность за дичью также не развита, мы выменивали, однако, много живых диких гусей, которых они ловят на озерах, в то время когда они теряют перья.

В наше пребывание в лимане все прибрежные жители шли в Манжурию, нагруженные сказанными товарами, и, вероятно, для предосторожности, на каждой шлюпке было оружие, как можно было понять из их знаков, что в это время года у них бывает ярманка; они приглашали нас с собою, рассказывая, что там будет весело.

Во всех своих поездках они не сохраняют этикета ни перед кем, и в жаркий день, чтобы легче греться, сбрасывают с себя верхнее одеяние и остаются полунагие, не стыдясь (л. 46) своих спутников. Шлюпки их очень ходки, мелководны и принимают значительный груз, они выстроены по большей части из тополевого леса, плоскодонные и состояются из нескольких досок без шпангоутов на деревянном скреплении; основанием служит доска шириною около 8-ми дюймов и более, длиною от 15-ти до 30 футов, на которую в отвал приколачиваются боковые доски большей ширины, чем основание, — с *кормы* их связывает ребром же приколоченная к основанию поперечная доска, в носу же делается ма-

ленькая пристройка. Она и отличает (как показывали жители) конструкцию гиялтских от конструкции манжурских лодок. Весьма овальные лопатки, которые в вальках имеют дыру, чтобы накладывать их на колышки // вместо уключин. Эти лодки с легкостью вытаскиваются на берег и при сообщениях между деревнями, где позволяет берег, идут бечевой, запрягая собак, которые весьма хорошо к этому приучены.

Таким образом, подарки и наше ласковое обращение с жителями, видимо, расположило их в нашу пользу. Отваливая от селения, они провожали нас почти всегда с изъявлением какой-то грусти, что мы скоро их оставляем, далеко следя наши шлюпки и в ближайшие деревни упреждали о нашей щедрости и ласковом с ними обращении, ибо везде встречали нас как будто знакомых. Заметя, что мы любопытствуем о их образе жизни, стране, о фарватерах и прочем, они (л. 47) всегда старались сколько возможно удовлетворить нашим вопросам, без чего я никаким образом не мог бы не только в продолжение одного лета, но и более ознакомиться с лиманом. Почти все они рассказы свои кончали тем, что показывали отвращение свое к манжурам, что, вероятно, происходит оттого, что (как я впоследствии узнал по собран-ным сведениям) манжуры всегда заезжают к гиялкам, отбирают все у них лучшее, делают различные своеволия и увозят даже женщин, а потому гиялки, заслыша приближение манжура, скрывают *пригожих* женщин в леса; однако под страхом ужасного от них мщения, если манжур узнает как-либо, что хозяин скрыл свою жену или дочь. В одной из деревень в Татарском заливе около южного пролива пожилой // гиялак, показывая мне знаками о границах их владений, заметя на мне синюю английскую куртку, остановился и смотрел на меня как бы со страхом и недоверчивостию. Я не понимал такой перемены, подарил ему ножик и просил продолжать рассказ, но он с удивлением рассматривал мою матросскую куртку, взял меня за руку, показывая далеко к югу на берег, на море, на свою лодку, увеличивал ее и, указывая на мою куртку, объяснил мне знаками о множестве виденных им людей в подобном костюме и, наконец, размахивая руками, с каким-то страхом прижимаясь ко мне, показывал знаками и голосом как бы пальбу с проходившего сюда судна. Я нарочно снял с себя куртку и бросил ее в сторону, давая как бы тем знак, что это не наше одеяние и что мы его не любим. Он начал (л. 48) обнимать меня и изъявлять страх, который навела, может быть, на них пальба приходящего сюда какого-либо судна, но, судя по этому, по костюмам людей и по знакам гиялка, о множестве их, надо полагать, что судно то было довольно значительное военное. Впоследствии г. Орлов рассказывал мне, что от жителей деревни Кель он слышал, что действительно года два тому назад в южной части Татарского залива было судно, стреляло ядрами, вероятно учило команду палить в цель.

Ознакомясь таким образом с гиялками и проверяя при всяком удобном случае лично сам в селениях, к которым мы приставали, рассказы о границах, названия деревень и проч., в заключение я могу сказать следующее. //

1) Гиялки занимают всю северную часть острова до широты около 50°, оба берега реки Амур на пространстве около 100 миль от устья ее и берега Татарии много южнее гавани де Кастрий, ибо за деревнею Сешеры, в этой гавани находящейся, они показывали, что есть еще две деревни далее ее, обитаемые гиялками.

2) Ни родоначальников, ни старшин, имеющих, так сказать, общую власть, мы не заметили. Они, кажется, имеют одно только семейное патриархальное управление — старики уважаются, распри и споры ме-

жду собою, по собранным мною сведениям, кончают поединками на палках, следствиями которых никогда не бывает убийств; но за кровь мстят кровью, эта месть переходит в семейства; хотя они не любят и боятся манжуров (л. 49), но не признают над собой их власти.

3) Они робки, миролюбивы, гостеприимны, толковы, склонны к оседлой жизни и домоводству, разврат, кажется, презируют, ибо узы брака и вообще, как можно заметить, семейная жизнь строго соблюдается. Пороки общие *диким*: наклонности к воровству, недоверчивость, хитрость, но наклонности к пьянству не замечены.

4) Промышленность их — рыбная и звериная ловля, пища вареная и свежая рыба, нерпичий жир и мясо зверей. Однако, как можно было заметить, по удовольствию, с которым они ели, хлеб и чай предпочитают этой обыкновенной своей пище. Ни о хлебопашестве, ни о скотоводстве, ни об огородничестве не имеют никакого понятия, и, наконец,

5) Судя по устройству и зажиточности многих селений, по переимчивости и любопытству рассматривать каждую вещь, как она сделана, можно надеяться, что они способны принять все полезное, и я полагаю, что при благом направлении со стороны этих детей природы нельзя встретить препятствий к заселению между ими.

Племена, живущие далее на южной части острова Сахалина, — гилляки называют чижом-куге. Племена же нейдалцев, расположенных по Амгуни, натку и солодина — по Амуру, по сведениям, мною собранным, не имеют разительного отличия от гилляков ни в нравах, ни в обычаях, ни в образе жизни, они только имеют некоторую разницу в языке.

На этом заканчивается текст найденной рукописи.

Примечания

Даются по листам найденной рукописи.

л. 1 В найденном отчете Г. И. Невельской относит свой выход из Петропавловска к 31 мая. В своих воспоминаниях — к 30 мая [см. 9, 96]. А в подлинном журнале плавания транспорта «Байкал» указывается, что на самом деле они снялись с якоря из Петропавловска «в половине шестого» утра 1 июня (см. ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 336, «Журнал плавания военного транспорта „Байкал“ под командою 10-го флотского экипажа капитана-лейтенанта Невельского 2-го от Камчатки до Охотска», л. 6).

Четвертый пролив — пролив между островами Парамушир и Онекотан.

Мысом Клокачева Г. И. Невельской вслед за И. Ф. Крузенштерном называл оконечность северной косы при входе в залив Уркт (район современной Охи).

л. 1 об. И. Ф. Крузенштерн писал, что во время плавания ему хотелось установить, не составляет ли Сахалин «два особенные острова» [7, 188]. Дело в том, что еще в XVIII в. на некоторых картах Сахалин изображался разделенным на два острова проливом севернее залива Терпения. Крузенштерн убедился в неправильности этого предположения, но Г. И. Невельской первоначально допускал, что здесь может оказаться еще один неизвестный рукав Амура. Поэтому-то он и решил начать свои исследования со средней части восточного побережья Сахалина.

Жан Франсуа Лаперуз — французский мореплаватель, исследовавший в 1787 г. южную часть Татарского пролива и пролив, отделяющий Сахалин от Хоккайдо (пролив Лаперуза) [см. 27].

Вильям Роберт Броутон — английский моряк, плававший у берегов Сахалина в южной части Татарского пролива в 1797 г. [см. 26]. С именем Броутона связано переименование Татарского пролива в «Татарский залив». Он больше всего способствовал распространению в Европе версии о том, что Сахалин будто бы является полуостровом.

По данным журнала плавания (л. 13) видно, что в 7 часов^{л.2} 12 июня 1849 г. транспорт «Байкал» находился в трех милях от берега Сахалина на широте 52°16', из чего можно сделать вывод, что впервые участники плавания увидели берега Сахалина в районе Луньского залива [см. 14].

Мыс Головачева, или мыс Тамлево, — мыс северо-западного побережья Сахалина при входе в Амурский лиман с севера. Назван И. Ф. Крузенштерном в честь участника его плавания лейтенанта Петра Головачева.

Мыс Елизаветы и Марии — крайне северные мысы Сахалина. И. Ф. Крузенштерн писал: «Я назвал их Елизавета и Мария — да украсят и процветут сии дикие и бесплодные места именами, любезными каждому россиянину!» [7, 192].

Залив Надежда — первый залив западного побережья Сахалина от мыса Марии. Назван И. Ф. Крузенштерном по названию его корабля.

Залив Байкал, ранее назывался заливом Обмана, потому что в 1846 г. был мореходом А. Гавриловым принят за лиман Амура. Г. И. Невельской переименовал его по названию своего транспорта в залив Байкал.

«Тремя братьями» Г. И. Невельской назвал три остроко-^{л. 3} нечные вершины отрогов горного хребта, простирающегося на полуострове Шмидта. Эти вершины хорошо заметны с моря. Поэтому Три Брата и теперь широко известны морякам.

Мыс Левенштерна — крайний восточный мыс полуострова Шмидта. Назван И. Ф. Крузенштерном в честь участника его кругосветного плавания лейтенанта Ермолая Левенштерна.

Мыс Вирст был назван И. Ф. Крузенштерном в честь своего^{л. 4} друга. Это название относилось к оконечности косы, простиравшейся на юг к входу с моря в залив Пильтун. Теперь это название не употребляется.

Г. И. Невельской назвал «шхерами Благополучия» зону от^{л. 4 об.} Набильского залива до залива Даги. В настоящее время это название не употребляется.

Лайда — мель на море, обсыхающая при отливе.^{л. 7}

Гора Меншикова — высокий мыс континентального берега,^{л. 7 об.} обращенный в сторону острова Байдукова (Лангра). Названа Г. И. Невельским в честь начальника главного морского штаба А. С. Меншикова, который активно содействовал организации экспедиции 1849 г.

Берег Татарии — континентальный («матерый») берег.^{л. 8}

Мыс Ромберха был назван И. Ф. Крузенштерном в 1805 г. в честь участника его кругосветного плавания лейтенанта Федора Ромберха.

Лейтенант Казакевич Петр Васильевич был первым помощ-

ником Г. И. Невельского во время экспедиции 1849 г. Впоследствии, с 1856 г. был первым военным губернатором Приморской области. Сыграл важную роль в освоении русскими Приморья. Считается одним из основателей Владивостока, хотя непосредственного участия в основании города не принимал. Далее упоминаются следующие участники плавания: лейтенант Гейсмар Алексей Федорович, лейтенант Гревенс Александр Карлович (иногда его фамилия писалась: Гревенес и даже Гревенин), мичман Гроде Эдуард Васильевич, подпоручик Попов Лев Александрович.

л.11 Полуостров в. к. Константина — он же полуостров Куегда, названный по одноименному селению нивхов (в отчете — «Куенкзе»). На этом месте в 1850 г. был основан Г. И. Невельским Николаевск-на-Амуре.

л.11 об. Мыс Погиби, или Погоби, находится на западном побережье Сахалина в самой узкой части пролива Невельского. Название получил по одноименной сахалинской реке, которая впервые на русских картах стала изображаться в середине XVIII в. (см., например, карты С. П. Крашенинникова [6]).

л.12 Мыс Халезова на западном побережье Сахалина расположен в средней части Амурского лимана вблизи современного селения Романовки. Назван был в 1849 г. Г. И. Невельским в честь участника его плавания поручика Александра Халезова. В настоящее время это название употребляется редко.

л.12 об. Гавань Счастья, или залив Иской, был известен русским землепроходцам еще в середине XVII в. Г. И. Невельской первым нанес эту гавань на карту и определил ее большое стратегическое значение.

л. 13 Река Коль и два одноименных селения привлекли внимание русских еще в середине XVII в. В амурской ясачной книге 1655—1656 гг. «Коулинский улус от Ламсково волока», т. е. волока с Амура к Охотскому морю (по-эвенки «Ламу»), назван «рубежным», т. е. крайним (с запада) «гилятской земли», т. е. нивхских поселений (см. ЦГАДА, ф. Якутской приказной избы, опись 4, кн. 505, л. 32 (60), а также [5, 134]).

л.13 об. Мыс капитана Невельского — южный мыс материка в самой узкой части Татарского пролива, которая в 1909 г. участниками экспедиции Геологического комитета была названа проливом Невельского. Название «мыс капитана Невельского» было дано по настоянию спутников Невельского в самом конце июля 1849 г. Уже в начале 1850 г. из названия мыса было опущено слово «капитана».

л.14 об. Под «островами Чаменского архипелага» Г. И. Невельской имеет в виду о-ва Чомэ, Уарки и о-в Пилямиф.

Мыс Муравьева расположен в узкой части Татарского пролива. Был назван Г. И. Невельским в честь генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева (с 1858 г. графа Муравьева-Амурского), активно содействовавшего успеху экспедиции 1849 г.

л.16 об. «Татарский залив» — так Г. И. Невельской продолжал называть часть Татарского пролива к югу от его самой узкой части. Повторяющееся в литературе утверждение, что так он поступал с целью сохранения в тайне его открытий в Татарском проливе, является неверным. Термин «Татарский залив» употреблялся им вплоть до последних лет его жизни, а поэтому за-

мену в последних изданиях его книги выражения «Татарский залив» на «Татарский пролив» нельзя признать правильной: эти понятия неоднозначны. Поэтому и в своем отчете Г. И. Невельской употребил выражение «через Южный пролив в залив Татарский».

«Отдельная круглая гора в окрестностях мыса Перовского». *л.21*
Действительно, у мыса Перовского, названного Г. И. Невельским в честь министра внутренних дел Л. А. Перовского, на юго-западном побережье Охотского моря у залива Екатерины имеется холм высотой в 176 метров. Л. А. Перовский неоднократно оказывал Г. И. Невельскому существенную поддержку [18, 198—199].

Как уже указывалось выше, «Ламской волок» с низовьев Амура к заливу Счастья и селению Коль был известен еще амурским казакам в 50-х годах XVII в. *л.22*

Невельской сравнивает лиман Амура с лиманом Северной Двины. Он был на Северной Двине в 1844 г. и тогда же совершил переход на корабле «Ингерманланд» из Архангельска в Кронштадт.

Залив Рейнеке назван в 1847 г. капитан-лейтенантом *л.2 2 об.*
В. К. Поплонским в честь известного гидрографа М. Ф. Рейнеке.

Мыс Гроте был назван в 1849 г. Г. И. Невельским в честь *л.23 об.*
участника его плавания мичмана Э. В. Гроте. Является северной оконечностью западного побережья залива Св. Николая. В настоящее время он известен под местным названием — мыс Тукургу.

Мыс графа Ланздорфа (Ламздорфа) расположен с востока у входа в залив Николая. Назван Г. И. Невельским в честь Ивана Ламздорфа, служившего с ним на фрегате «Аврора».

Мысы Бутакова и Озерского расположены внутри залива *л.24*
Николая. Алексей Бутаков, будущий исследователь Аральского моря, дружил с Г. И. Невельским в офицерских классах Морского корпуса. Алексей Озерский вместе с Невельским служил на корабле «Ингерманланд».

Термин «переволока» в значении «волок» был распространен в Сибири еще в XVII—XVIII вв. *л.25*

Залив в. к. Константина был открыт еще в 1847 г. капитан-лейтенантом В. К. Поплонским. Находится в средней восточной части Тугурского полуострова.

Служащий Российско-американской компании Дмитрий Иванович Орлов в 1849 г. самостоятельно осматривал Тугурскую губу и позже у мыса Мухтель встретил экспедицию Г. И. Невельского. Подробные сведения о Д. И. Орлове см. [1, 26—43]. *л.25 об.*

Рекой Амал Г. И. Невельской называет реку Эмглен, впадающую в Амгунь, «нейдальцами» — негидальцев. *л.26*

«Натку, салодина и даурцы» — нижние нанайцы (старорусское название «натки»), верхние нанайцы («солды, солдон») [8, 787] и дауры. *л.27*

Здесь «монгольским городом» явно названо какое-то поселение маньчжуров. В 1849 г. Г. И. Невельской имел еще слабые представления по этнографии Дальнего Востока и склонен был маньчжуров ошибочно относить к монголам.

Все описание посещения группой П. В. Казакевича и А. Ф. Гейсмера ороков в отчете Г. И. Невельского излагается по тексту рапорта самого П. В. Казакевича [ЦГАВМФ, ф. 1191 *л.27 об.*

(П. В. Казакевича), д. № 30, лл. 1—5 об.]. В 1953 г. нам довелось впервые познакомиться с этим рапортом и выяснить ряд ранее неизвестных подробностей. Так, П. В. Казакевич существенно уточнил место самой первой встречи русских моряков с жителями Сахалина — ороками: «Встреча происходила между морем и озером на возвышенной песчаной дамбе». Думается, что на этом историческом месте следовало бы в будущем установить небольшой памятник.

В рапортах П. В. Казакевича и Э. В. Гроде (см. прим. к л. 30 об.) имеются и некоторые дополнительные этнографические данные, опущенные в публикуемом отчете Г. И. Невельского. Так, по словам П. В. Казакевича, жители Сахалина называли табак словом «тамга». Оно более близко к эвенкийскому «дамга», чем к родственному нивхскому «тамх». Это служит дополнительным доказательством, что участники экспедиции Г. И. Невельского встретились первоначально с ороками, а не с нивхами. В рапорте П. В. Казакевича значительно подробнее описывается внешний вид ороков, их одежда. Так, он указывал, что на их «кафтанах» имелись «медные и ручные пуговицы, как у русских сарафанов» (л. 5). «У некоторых были на большом пальце правой руки чрезвычайно толстые круглые железные кольца, разрисованные яркими красками, и почти у всех вдеты были в ушах стеклянные, формой и качеством железные, похожи на якутские. Каждый имел при себе по одному и даже по два прямых ножа, длиной от 6 до 9 дюймов, в деревянном или кожаном футляре, привешенном на ремне, у некоторых висели сбоку костяные игольницы, простое железное огниво. Серьги в металлической оправе или просто металлические и трутница старая из тюленей кожи, трут был у них особого рода из гнилого высушенного дерева, желтоватого цвета и загорался чрезвычайно скоро».

л. 30 об. Воспроизведем здесь весьма любопытное донесение мичмана Э. В. Гроде о его посещениях ороков селения Даги:

«13 июня получил приказание в 9-ть часов утра осмотреть видимую с транспорта бухту, для чего дан был вельбот с шестью матросами и трехлючная байдарка с тремя алеутами, инструменты имел, компас, люди имели по 10 боевых патронов, 2 топора, кроме данных взял своих 3 топора и несколько ножей, кремней, огнивов и табаку; удаляясь от транспорта, бросал лот беспрестанно, подошел к проходу, влево от которого выдавался песчаный берег мысом А. Проходя его в расстоянии от 1½ до ½ кабельтова, видел на нем лежащий лед. По берегу видно было, что вода шла на убыль. Войдя в проход, взял направление прямо на остров С. Пришедши на глубину 9-ть фут, взял направление на мыс А; вправо перпендикулярно выдавался песчаный низменный мыс В, около которого видел буруны в расстоянии около 5-ти кабельтовых между обоими мысами. Пришедши на оконечность мыса А, вправо лежала возвышенная на поверхности воды песчаная банка и впереди такой же островок; огибая остров С, бросал беспрерывно лот, увидел углубляющиеся малые заливы, и пришедши против мыса В, увидел селение и жителей, взобравшихся на вершины своих шалашей и как бы следивших за моими действиями; обогнувши остров, который тянется на значительное пространство в длину, пошел вдоль берега до того места, где деревня лежала по бере-

гу. По мере приближения жители собрались большою толпою, вооруженные стрелами, копьями и ножами; придя на мелкую глубину, где грунт, по-видимому, торф, приказал людям зарядить ружья. В это время я стал на мель, и жители, положивши свое оружие в сторону, сели на берег и знаками показывали место, где можно было пристать. Приставши к берегу и оставя всех людей при шлюпках, я вышел на берег без оружия, и тогда из толпы отделился старец и шел ко мне навстречу; приблизясь на такое расстояние, что каждый из нас мог подать руки, он, не удовлетворяясь таким приветствием, начал меня обнимать и вместо поцелуев прикладывал свои щеки к моим три раза. Видя другие, что я соблюдаю ихние обычаи и не имею никаких намерений их обидеть, из толпы вышли еще двое, которые не отличались одеждою от первого, разве кроме отвратительных физиономий, и соблюли то же самое приветствие. Чтобы показать мои не неприязненные намерения, я приказал принести с шлюпки несколько огнив и кремней, которые предложил взять им, но чтобы более показать дружеские наши намерения и разузнать об виденной бухте: не имеет ли она сообщения с внутренностью земли, я приказал выйти троим алеутам и двоим из матрос и, сопровождаемый толпою, пошел осматривать их хижины.

Селение лежало вдоль берега и разделялось на два отделения в расстоянии один от другого на 50 сажень. Строение хижин двоякого рода: одни имели основания четырехугольные и крыши от земли сходились в вершине, а другие построены из шестов, четырехугольные, покрыты еловой корой, а имеющие круглое основание, рыбьею кожею.

Войдя в одну из таковых хижин, которая не имела в отверстии дверей для запирания, (заметил, что) во внутренности лежало: в большом количестве снег (снеть? — *Б. П.*), а по сторонам различная утварь и, кажется, японской работы, рыба кожа и тюленьи шкуры. Вокруг хижин были привязаны собаки, принадлежавшие одной породы камчатским. На шестах, которые [находились] влево, сушилась рыба, что указывало, что это был их зимний запас. Около каждого дома торчало несколько шестов от 10-ти до 8-ми сажень высоты, но для какого употребления, нельзя было догадаться. Кроме того, тут же лежали плоской формы чугунные котлы на 3-х ножках с откидными дужками. В кедровнике за юртами паслось [стадо] (зачеркнуто: баранов) оленей. Жители одеты в кухлянки без капюшона из тюленьих шкур и такие же сапоги, связанные под коленом, оставляя верхнюю часть ноги голою, у некоторых надеты рубашки на вид из синей китайки, на ремне около поясницы висела маленькая сумка для огнива, ножи прямые около 9 дюймов и игольница, на большом пальце надеты у некоторых железные кольца, разрисованные различными красками, а у других обыкновенные на указательном пальце. Серьги стеклянные, вставленные в серебряную оправу. Вооружены они копьями в виде рогатины, луками и у каждого по четыре стрелы. Волосы прямые, черные. Лица плоские, рост от 4¹/₂ до 5 фут...

Показал им карту, чтобы узнать, есть ли водою сообщение с другим берегом острова, они смотрели на нее с удивлением и, затыкая уши, знаками показывали, что они не понимают, и сие рождало общий смех. Выменил у них лук, стрелы за топор и

другие мелкие вещи, причем я убедился, что они хорошо знают различие между железом и сталью. Но более всего они охотно брали табак. Хотевши перейти на другую часть селения, они меня не допускали до этого (где я видел их жен и детей), и, не имея лишнего времени, отправился обратно к транспорту и пристал к нему в 12-м часу. При сем представляю карту глазомерного очерка сей заводи. Мичман Гроте». К рапорту Гроте приложена небольшая наскоро сделанная карто-схема, на которой употреблены упоминающиеся в тексте рапорта условные обозначения: А, В, С (см. ЦГАВМФ, ф. 1191, оп. 1, № 70, лл. 1—2).

л.32 Между мысами Елизаветы и Марии участники экспедиции уже встретили нивхов-гиляков, однако они существенных различий между ними и ороками не заметили. Поэтому они в 1849 г. готовы были ошибочно относить ороков залива Даги к «гилякам» (нивхам).

л.33 В середине 40-х годов XIX в. у северной оконечности Сахалина стали часто появляться иностранные, преимущественно американские, китобои — «большие охотники к разным насильствиям». Сообщения Г. И. Невельского ясно показывают, насколько сильно страдали нивхи от китобоев, особенно в Сахалинском заливе, на подступах к Амурскому лиману.

л.33 об. Судя по вахтенному журналу транспорта «Байкал», описанная Г. И. Невельским история с хищением вещей нивхами селения Тамлево произошла в ночь с 1 на 2 июля 1849 г.

л.36 об. Слово «чи» по-нивхски означает личное местоимение «ты» [см. 23, 427].

л.37 об. Сарана, или царские кудри (*Lilium flore atro-rubente*), — лилейное растение с черно-пурпурными цветами. Широко употреблялось в пищу на всем Дальнем Востоке.

л.38 С давних времен маньчжурские купцы нередко занимались хищением красивых женщин у всех народов Приамурья.

л.40 Нивхи Нижнего Амура и Сахалина издавна были поставщиками орлиных перьев. Еще в середине XVII в. русские впервые узнали, что нивхи (гиляки) держат в особых «клетях» многих «медведей кормленных». Об этом обычае гиляков неоднократно писали многие русские этнографы, начиная с Л. И. Шренка [см. 25, т. III, 64—100; 10].

л.40 об. Эти могильные домики у нивхов называются «раф» [см. 25, т. III, 136—141].

л.41 Аналогичные сведения о нивхских старинных шляпах сообщал и Л. И. Шренк. Он писал, что нивхи «для защиты от дождя и солнца... употребляют своеобразные шляпы плоскоконической формы из березовой коры (по-гиляцки хиб-хак — в буквальном переводе „берестовая шляпа“). Шляпы обыкновенно изукрашены разнообразными черными и красными арабесками, которые вырезаны тоже из бересты, только более тонкой, лучеобразно расположены вокруг верхушки и пришиты тонкими кишечными волокнами» [25, т. II, 77].

л.44 Рыбой хайко Невельской называет по-ительменски кету. «Кайко» или «хайко» кету называли еще Крашенинников [6, 304] и Вениаминов [3, 299].

л.47 об. Позже стало известно, что это был какой-то китобой. Из-за того что часть его команды не вернулась своевременно с берега, этот китобой стал стрелять из пушки.

Гавань де Кастри теперь именуется заливом Чихачева. Была л.48 об. названа в 1787 г. Ж. Ф. Лаперузом по имени французского военного министра де Кастри. Сообщения нивхов о том, что нивхские селения существуют в районе залива де Кастри, в дальнейшем не подтвердились.

Невельской не знал, что нивхи под словом «чижом» или л.49 об. «сисам» имели в виду японцев. Впервые русские узнали о существовании «чижем» (японцев) в 1652 г. от нивхов амурского селения Маго [см. 19, 31—32]. «Куге», «куги», «кувы», «куи», «кури» и «курилы» — это различные наименования айнов [см. 12, 548].

В 1849 г. Г. И. Невельской еще не встречался с нанайцами, а потому он не мог знать, насколько резко отличался язык нанайцев от языка нивхов.

Пояснение к румбам, которые даны в отчете. Как известно, плоскость истинного горизонта в прошлом у моряков делилась на 16 основных румбов: N, O, S, W, NO, SO, SW, NW, NNO, ONO, OSO, SSO, SSW, WSW, WNW, NNW. В некоторых случаях в отчете Г. И. Невельского встречается румб с индексом t (тьнь), а это означает, что указанное направление дано ближе к тому румбу, перед которым стоит индекс t. Так, на л. 16 оборот читаем: «NtO». Это означает, что направление дается не просто на северо-восток, а с большим отклонением на восток.

Список карандашных пометок на найденной рукописи:

Л.2. Зачеркнуты слова: «я не встречал».

Л.3. Зачеркнуто со слов: «Положение мысов Елизаветы...» и до слов: «...своей отмель» (л. 4).

Л.4 об. Вычеркнуты координаты шхер, а также конец абзаца со слов: «грунт вязкий».

Л.6. Зачеркнуты координаты.

Л.6 об. Зачеркнуто со слов: «с которыми» и до слов: «губу в. к. Константина» (л.12 об.).

Лишь на л. 7 сохранен подзаголовок. Исправлены географические названия: вместо «Куенгзе» поставлено «Кугеда», вместо «Чнирх-рахт» — «Чныррах» (л.11).

К л. 14 добавлен подзаголовок: «Берег острова Сахалина».

Л.15. Зачеркнуты слова: «На обследованном мною пространстве».

Л.16 об. Зачеркнуты слова: «Указанный мне жителями».

Л.17. Зачеркнуто от: «от $\frac{1}{4}$ до $2\frac{1}{2}$ узлов» и до «прочих обстоятельствах», а также вся фраза, начинающаяся со слов: «В протоках».

Л.17 об. Зачеркнута фраза, начинающаяся со слов: «В южном проливе».

Л.18. Вместо слов «мы не заметили» вписано «не происходит». Зачеркнуто со слов: «Это последнее» до «Правда, что» (л.18 об.).

Л.18 об. Зачеркнуты слова: «полагаю, что при необходимости плавание по лиману».

Л.19. Слова: «кажущиеся в настоящее время столь важными» заменены на «казавшиеся в первое время важными». Последующие фразы зачеркнуты до раздела «Гавань Счастья» (л. 20 об.).

Л. 21. Глагол «составляют» заменен на «делают».

Зачеркнуто от слов: «Оградя эти банки» до конца абзаца, заканчивающегося словами: «в. к. Константина» (л. 22).

Л.23. Зачеркнуто: от «на пространстве» до «Первая с». Слово «вторая» заменено на «южная».

Л.23 об. Вычеркнуто несколько фраз от слов «Грунт по всему заливу» до конца абзаца, заканчивающегося словами: «почти ровная» (л.25).

Л.25. К подзаголовок добавлено: «К описанию берегов».

Л.25 об. Опущено упоминание о том, что Тугурская губа осматривалась Гроте и Орловым.

Л.26. Зачеркнуты слова: «По сведениям, доставленным мне г. Орловым и промышленниками». Слова «реки Тугара» заменены на «Река Тугур».

Л.26 об. Со слов: «По берегам Тугура и Амала» вычеркнуты несколько страниц до л. 38, включая абзац, кончающийся словами: из общества». Добавлен подзаголовок: «Из описания народов. Гиляки».

Л.39. Зачеркнуты отдельные слова: «при нашем посещении», «гостиную, спальню и кабинет» (заменено на: «комнату»).

Л.40. Зачеркнуто: «или лучше за лавками»; «поставленное у дома дерево» заменено на «дерево».

Л.40 об. Слово «суеверия» заменено «шаманские поверья».

Л.41 об. Зачеркнуто со слов: «Толпами приходили» до слов: «не в обычае» (л.42 об.).

Л.42 об. К словам: «не считается преступлением» добавлено: «но даже малодчеством» и зачеркнут конец фразы и вся следующая фраза до слова: «товарищам». Последняя фраза заменена словами: «Пьянство между гиляками не очень сильно, разговаривают, как народ манжурский, и считают между гиляками Сахалина и прибрежными у лимана живут те же лица». Приписка явно невежественная.

Л.43. Новая редакция фразы, искажающая ее первоначальный смысл: «Вооружение гиляков луки и стрелы и редко встречали копья, они очень искусные стрелки». Последующие фразы зачеркнуты до слов: «хорошей доброты». Начало последней фразы дано в новой редакции: «Копья не оценены».

Л.44. Зачеркнуты слова: «кажется», «вероятно» и вся концовка абзаца со слов: «потому что совершенно». Имеются также неразборчивые поправки.

Л.45. Окончание фразы со слов: «добываемые» заменено на: «добываемое прежде для торговли с манжурами».

Л.45 об. После слова «огородничества» конец фразы заменен: «между гиляками до поселения русских не было». Со слов: «мы выменивали» и до конца листа все зачеркнуто до слов: «своих спутников» (л.46).

Л.46. Зачеркнуты слова: «без шпангоутов», «как показывали жители».

Л.46 об. Зачеркнута первая часть абзаца от слов: «Таким образом» и до: «собранным сведениям». Абзац начат со слова «Манжуры, заезжая до поселения русских для торговли к гилякам, обирали все у них лучшее, делали различные своеволия и увозили даже женщин, а потому гиляки скрывали пригожих женщин в леса в первое время знакомства с русскими», и далее по тексту. Начиная с фразы: «В одной из деревень» все зачеркнуто до слова «следующее» (конец л.48).

Л.48 об. Слова: «Они, кажется, имеют одно только семейное патриархальное управление» заменены на: «Они живут одним семейством». Зачеркнуто: «по собранным мною сведениям».

Л.49. Вместо «признают» поставлено «признавали». Вместо «Они робки» дано «Гиляки вообще робки». Зачеркнуты слова: «кажется»,

«вообще, как можно заметить». От «4)» и до конца рукописи все вычеркнуто.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. И. Сподвижники Г. И. Невельского, Южно-Сахалинск, 1967.
2. [Баласогло А. П.] Восточная Сибирь. Записка о командировке на остров Сахалин капитан-лейтенанта Подушкина. Сообщил В. Н. Баснин, — «Чтения в имп. обществе истории и древностей Российских при Московском университете», М., 1875, кн. 2, стр. 103—188.
3. Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. Записки об ахтинских алеутах и колошах, ч. II, СПб., 1840.
4. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., — «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», т. 55, М., 1960.
5. Долгих Б. О. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам, — «Сборник статей по истории Дальнего Востока», М., 1958, стр. 119—141.
6. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, СПб., 1755.
7. Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева», ч. I—III, СПб., 1810.
8. Народы Сибири, М.—Л., 1956.
9. Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849—1855 гг., М., 1947.
10. Пилсудский Б. О. На медвежьем празднике айнов о-ва Сахалина, — «Живая старина», вып. 1—2, 1914, стр. 67—162.
11. Полевой Б. П. В устье Амура, — «Вечерний Ленинград», 18.XII.1954.
12. Полевой Б. П. Забытые сведения спутников В. Д. Пояркова о Сахалине (1644—1645 гг.), — «Известия ВГО», 1958, № 6, стр. 547—551.
13. Полевой Б. П. К истории открытия Татарского пролива, — сб. «Страны и народы Востока», вып. 6, 1968, стр. 68—85.
14. Полевой Б. П. На берегах Амура и Сахалина (К 150-летию со дня рождения Г. И. Невельского), — «Советский Сахалин», 5.XII.1963.
15. Полевой Б. П. Неизвестный документ Г. И. Невельского, — «Советский Сахалин», 16.I.1955.
16. Полевой Б. П. Новое о Г. И. Невельском, — сб. «Путешествия и географические открытия в XV—XIX вв.», М.—Л., 1965, стр. 93—108.
17. Полевой Б. П. Опознание статей петрашевца А. П. Баласогло о Сибири, Дальнем Востоке и Тихом океане (1847 г.), — «История СССР», 1961, № 1, стр. 155—159.
18. Полевой Б. П. От Руссо к Сахалину, — сб. «Сахалин 1969 г.», Южно-Сахалинск, 1969, стр. 196—199.
19. Полевой Б. П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959.
20. Полевой Б. П. Полемика литераторов: «Сахалин остров или полуостров?», — «Известия Сахалинского отдела ВГО», Южно-Сахалинск, 1970, вып. 1, стр. 250—257.
21. Полевой Б. П. Ценная находка (Подробный отчет Г. И. Невельского о его историческом плавании 1849 г.), — «Советский флот», 28.XI.1954.
22. Полевой Б. П. Этнографические наблюдения Г. И. Невельского (1849 год), — «Советская этнография», 1955, № 4, стр. 106—116.
23. Русско-нивхский словарь, сост. В. Н. Савельева, Ч. М. Таксами, М., 1965.
24. Сиденснер А. Адмирал Геннадий Иванович Невельской. К столетию со дня рождения, СПб., 1914.
25. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края, т. II—III, СПб., 1899, 1903.
26. Broughton W. R. Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean, in which the coast of Asia from the latitude of 35° N to latitude of 52° N the island of Jusu (commonly known under the name of the land of Jesso), the north, south and east coast of Japan, the Liexuchieux and the adjacent isles, as well as the coast of Corea, have been examined and surveyed performed in H. M. sloop Providence and her tender in the years 1795—6—7—8, vol. II, L, 1804.
27. La Perouse J. F. Voyage autour du Monde, redigé par Milet-Mureau, v. III—IV, Paris, 1797.